Черный
Корпус

Виктория Ванюшкина
КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ ЮЛИУСА ЭВОЛЫ

Юлиус Эвола
ОРИЕНТАЦИИ
ДВОЙНОЙ АСПЕКТ БЕЗЫМЯННОСТИ

Сергей Яшин
ИНИЦИАЦИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО МІРА

Александр Елисеев
ФУТУРОЛОГИЯ КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Р. Бычков
ЧЁРНЫЕ ГВОЗДИ В РЁБРА АНТИХРИСТУ

М. Маркин, Художественное оформление, макет, верстка, дизайн, обложка, 2002-2003

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ ЮЛИУСА ЭВОЛЫ

ОРИЕНТАЦИИ

ДВОЙНОЙ АСПЕКТ БЕЗЫМЯНН...

ИНИЦИАЦИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

Третий Корпус

ОГЛАВЛЕНИЕ

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ ЮЛИУСА ЭВОЛЫ

Виктория Ванюшкина

«Если уж и приходится упоминать какие-то автобиографические моменты, я предпочел бы свести их к необходимому минимуму»
Ю. Эвола

Юлиус Эвола родился в Риме 19 мая 1898 г. По словам самого Эволы всю его жизнь, а соответственно и творчество предопределили две основные склонности, проявившиеся в нем с самых ранних лет, а именно: тяга к трансцендентному и предрасположенность к кшатрийскому образу действия. Как он писал: «Вполне очевидно наличие определенной противоположности этих двух склонностей. Если тяга к трансцендентности порождала чувство отчужденности от реальности..., то кшатрийская позиция влекла меня к действию, свободному утверждению, сосредоточенному на Я. Возможно, примирение этих двух стремлений стало главной экзистенциальной задачей всей моей жизни... В идейном плане их синтез лег в основу особой формулировки, данной мною, в последний период моей деятельности, понятию "традиционализм", в противоположность более интеллектуалистскому и провосточному пониманию этого понятия, присущего течению, возглавляемому *Рене Геноном*».

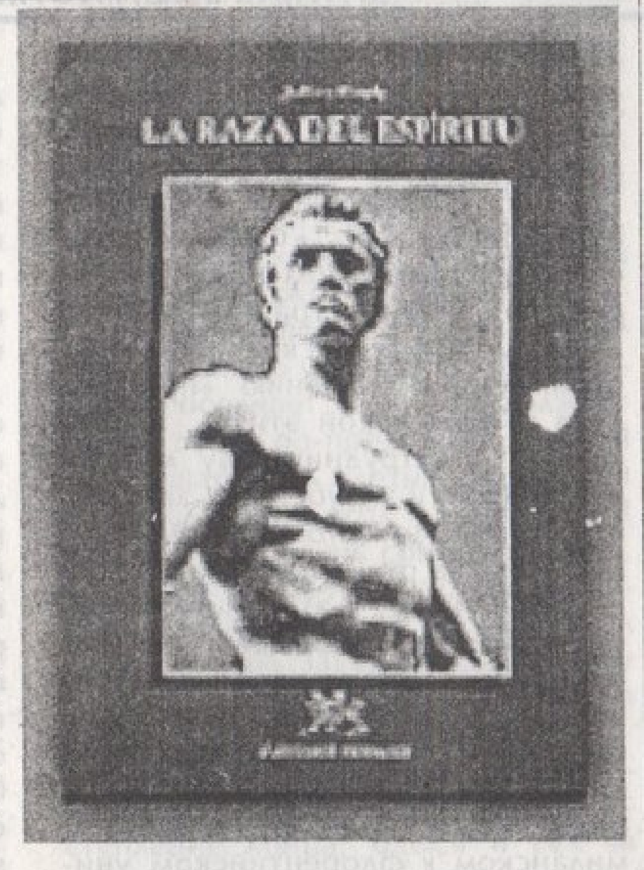
Первой книгой Эволы стала опубликованная в Цюрихе почти сразу после первой мiровой войны (в которой он участвовал в качестве артиллерийского офицера) брошюра под названием «Абстрактное Искусство» (1920), в которую были включены отдельные поэтические и художественные произведения, а также давалось теоретическое обоснование абстрактного искусства и, в частности, дадаизма. Как говорил сам Эвола: «Я был одним из основных представителей дадаизма в Италии, движения, которое не только в области искусства, но и в плане мiровоззрения настаивало на ниспровержении всего столь радикально, как ни одно другое в дальнейшем». К этому же «артистическому» периоду (с 1916 по 1921 гг.) относятся несколько стихотворений, поэма на французском «Темные слова внутреннего пейзажа» (изданная в 1920 г. тиражом 99 экз.), несколько статей (некоторые из которых были опубликованы в журнале «Bleu», издаваемом поэтами *Фиоцци* и *Кантарелли*, с которыми он познакомился через *Тристана Тиару*) и множество картин (любопытно, что некоторые его работы привлекли в частности внимание *Сергея Дягилева* и были ис-

пользованы как декорации к балету *Дебюсси*). Он никогда не отказывался ни от чего созданного им в молодости, хотя и считал, что автор этих юношеских произведений был давно уже мертв. К поэзии он уже не возвращался, но восстановил заново некоторые из своих ранее проданных полотен, к слову сказать, одно из которых (а именно «Внутренний пейзаж, 10 ч. 30 мин») сегодня находится в Национальной галерее современного искусства в Риме.Он поступил на инженерный факультет, но отказался от получения диплома, питая презрение ко всем академическим званиям (в одной из своих книг он цитирует по этому поводу слова одного своего знакомого: «Я делю мір на две категории: знать и людей, имеющих диплом»). Затем наступает «философский период», в течение которого были написаны такие работы как «Очерки о магическом идеализме» (1926 г.), «Теория абсолютного индивидуума» (1927 г.), «Феноменология абсолютного индивидуума» (1930 г.). Наряду с западной философией Эвола увлекается и восточными учениями, такими как даосизм и тантризм, он издает *Лао-Цзы* со своими комментариями под названием «Книга Пути и Добродетели» (1923 г.) и пишет книгу «Человек как потенция» (1925 г.). К концу 1926 г. это увлечение приводит к созданию «Группы Ур». Как объяснял Эвола в своей книге «Путь киновари»: «Слово ур взято от древнего корня понятия "огонь", но также имеет дополнительный оттенок в смысле "первозданного", "изначального"». Задачей группы стало изучение эзотерических и инициатических учений, с особым вниманием к их практическому и опытному аспекту. С 1927 по 1929 гг. под руководством Эволы выходит серия ежемесячных монографических брошюр, сначала под названием «Ур», а позже «Крур», которые в конце каждого года объединялись в сборник, выходящий тиражом всего 50 экземпляров, а позднее вошли в состав трехтомника «Введение в магию, как наука о Я» (1955-56).

Тогда же сначала в журнале «Фашистская критика», издаваемом Боттаи (с которым активно сотрудничал Эвола), а затем отдельным изданием выходит «Языческий империализм», вызвавший волну нападок со стороны ультраортодоксальных и, в первую очередь, католических политических кругов. В 1933 г. эта книга вышла в немецком переводе в исправленной редакции и с некоторыми дополнениями.

Следуюшим журналистским опытом Эволы стало создание журнала «Башня» («La Torre») с подзаголовком «издание различных способов выражения и единой традиции». В статье, опубликованной в первом номере, Эвола заявлял, что журнал намерен «отстаивать принципы, которые для нас остаются совершенно такими же, независимо от того находим ли мы их в фашистском строе или в коммунистическом, анархическом или демократическом. Сами по себе эти принципы превышают политический уровень, однако применительно к нему они требуют качественной дифференциации, то есть утверждения идей иерархии, авторитета и империи в самом широком смысле». Для того времени этот журнал выглядел довольно необычно, допуская порой исключительное свободомыслие. Так например, когда кто-то заметил, что утверждаемые ими положения не принадлежат *Муссолини*, последовал ответ: «Тем хуже для *Муссолини*». Всего до июня 1930 г. вышло 10 номеров жур-

нала, после чего издание было приостановлено. Для официального его закрытия повода не было, поэтому недоброжелателям пришлось действовать косвенным путем: всем типографиям было дано негласное распоряжение отказаться печатать журнал. В этом журнале, выходящем один раз в две недели, публиковались такие авторы как *Де Джорджио* и *Сервадио*, *Генон* и *Бахофен*.В 1931 г. Эвола публикует книгу «Герметическая традиция», посвященную магическому, эзотерическому и символическому аспекту алхимии, а в 1932 «Личина и лик современного спиритуализма», в которой подвергает острейшей критике такие движения как спиритизм, теософию, антропософию и психоанализ, которые, по его мнению вместо того, чтобы возвысить человека от материализма, увлекают его на еще более низкий уровень.

В 1934 г. выходит, пожалуй, наиболее главный труд Эволы «Бунт против современного мiра» (как сказал о нем известный немецкий поэт и критик *Готфрид Бенн* «прочтя его, чувствуешь себя преображенным»), в котором автор восстанавливает «мiр Традиции» и прослеживает генезис «современного мiра». Его работа в целом была одобрена и *Рене Геноном*, который ознакомился с ней еще в черновом варианте, который присылал ему Эвола по мере ее написания.Через три года, в 1937 Эвола публикует «Тайну Грааля», в частности развивая в этой книге идеи, затронутые еще в «Языческом империализме» относительно «гибеллинской имперской традиции».Политическая ситуация в стране и в мiре заставляет его обратиться к собственно политическим проблемам и вопросам расы (Кстати забавно отметить, что первая политическая статья Эволы относится к гораздо более раннему времени: он написал ее по просьбе своего друга князя *Колонна ди Чезаре* для журнала «Демократическая идея» (!); естественно ничего хорошего по поводу демократии Эвола сказать не мог и статья получилась разгромной, на что его друг философски заметил, что именно в этом и состоит привилегия «демократической свободы»). Он разворачивает активнейшую журналистскую деятельность, публикуя свои работы в таких изданиях как «Фашистский строй», «Вестник Падуи», «Воскресная газета», «Рим», «Народ Италии» (к слову сказать эта газета, основанная еще *Муссолини*, сегодня снова выходит в Италии), «Пресса», «Утро», а также в журналах и периодических изданиях «Логос», «Ультра», «Фашистское воспитание», «Родовая

знать», «Новая жизнь», «Фашистский труд», «Журнал итальянского альпийского клуба» и множестве других. Кроме того, с 2 февраля 1934 по 18 июля 1943 гг. он ведет в еженедельнике «Фашистский строй», руководимом *Роберто Фариначчи*, особую страницу под названием «Философская диорама», посвященную изучению «проблем духа в фашистской этике», и привлекает к сотрудничеству многих итальянских и зарубежных авторов (от *Копполы* до *Генона*, от *Фанелли* до *Гейнриха*, от *Тиглера* до *Шпанна* и *Бенна*).Наряду с этим публикуются его работы, посвященные теме расы: «Три аспекта еврейского вопроса» (1936), «Миф крови» (1937), и, кроме того, по приглашению министра *Боттаи* он читает цикл лекций по этому вопросу в миланском и флорентийском университетах. В продолжение темы выходят такие книги как «Указания по расовому воспитанию» (1941) и «Синтез расовой доктрины» (1941) (последняя из которых попала в руки *Муссолини*, после чего он пригласил Эволу к себе, чтобы высказать свое одобрение). В одной из статей Эвола рассказывал: «Я не ожидал, что *Муссолини* захочет говорить со мной лично. Меня проводил к нему *Паволини*, который присутствовал при нашей беседе. *Муссолини* сказал мне, что прочел мою работу... и видит в изложенных в ней идеях основу для придания формы "независимому и антиматериалистическому фашистскому расизму"». (Кроме того, эта работа была переведена на немецкий как отражающая официальную фашистскую позицию по расовому вопросу).

Однако в то же период Эвола продолжает и свои философские изыскания, в 1943 г. выходит в свет «Доктрина Пробуждения» с подзаголовком «очерки о буддистской аскезе», позже переведенная на английский под патронажем «Общества Пали», наиболее известного буддийского центра.

В апреле 1945 г. Эвола, находясь инкогнито в Вене с особым заданием, попадает под бомбардировку, что приводит к повреждению спинного мозга и, как следствие, к частичному параличу нижних конечностей. В книге «Путь киновари» он писал: «по правде говоря, это происшествие было не лишено связи с тем правилом, которому я всегда следовал: не уклоняться от опасности, но наоборот, искать ее, бросая безмолвный вызов судьбе», а позднее в одной из бесед, признавался, что во время бомбардировки, вместо того, чтобы укрыться в убежище, он прогуливался по пустынным улицам Вены.В послевоенный период Эвола перерабатывает свои старые работы и выпускает в новом издании «Йогу могущества» (1949), а также пишет новые, основной темой которых является проблема образа жизни и міровоззрения в новом, послевоенном міре (отстаиваемые в них идеи ему попытались вменить в вину на пресловутом «процессе ФРД» (Фасции Революционного Действия) в 1951 г., на котором он был полностью оправдан, хотя ему и пришлось провести несколько месяцев в тюрьме). В 1950 г. он публикует «Ориентации», а в 1953 г. «Люди и руины», в которых развивает свои политические воззрения. В вышедшей в 1958 г. книге «Метафизика пола» он обращается к вопросам эротики, пола и любви, а в «Оседлать тигра» (1961) затрагивает проблему экзистенциальных ориентиров.

Затем следуют очерк, посвященный идеям *Юнгера* («Рабочий в міровоззрении *Эрнста Юнгера*»,1960), биографическо-библиографическая книга «Путь киновари» (1963), работа, посвященная критическому анализу фашизма и национал-социализма «Фашизм с точки зрения правых» (1964), сборник эссе «Лук и булава» (1968) и дополненное переиздание юношеской дадаистской поэзии «Raaga Blanda» (1969). Кроме того, Эвола продолжает свою журналистскую деятельность, публикуясь в различных нонконформистских и оппозиционных изданиях таких как еженедельники «Рим» и «Век Италии», газетах «Империя», «Монархия», «Гибеллин», «Барбаросса», «Новый орден», «Пути Традиции», «Правое движение» и других, а также в более специализированных изданиях таких как «Восток и Запад», издании института по изучению Среднего и Крайнего Востока и международном журнале «Антей», возглавляемом *Мирчей Элиаде* и *Эрнстом Юнгером*.

Но Эвола остается по сути «запретным» философом вплоть до 1968 г., когда прокатившаяся по всей Европе волна бурного протеста молодежи против «общества процветания и потребления» неожиданно как для издателей, так и для самого автора, вызвала рост интереса к идеям Эволы. С этого времени его работы начинают регулярно переиздаваться и пользуются все возрастающим интересом. Так появляются целые антологии его работ и сборники статей. В период с 1968 г. по 1974 (год его смерти) вышли три новые книги Эволы, тринадцать эссе, пять сборников статей, не считая множества интервью в газетах и на телевидении в Италии, Франции, Бельгии и Германии.

Однако тридцатилетняя неподвижность не могла не сказаться на его здоровье. В том же 1968 г. у него развивается острая сердечная недостаточность, сопровождающаяся отеком легких, вследствие которой он впадает в кому. Характерно, что выйдя из комы он первым делом обратился к окружающим с вопросом: «Как я себя вел?». Его состояние постоянно ухудшается, и он прекрасно осознает это, но продолжает вести себя по-прежнему: каждый день, тщательно одетый, он садится за письменный стол и работает. В начале 1974 г. он совсем ослабел, его тело больше не могло поддерживать его, впрочем он и сам считал свою миссию завершенной: «Я все сказал. Достаточно суметь меня прочесть».

Во вторник 11 июня 1974 г. ранним утром Эвола, предчувствуя наступление конца, оделся и сел за письменный стол напротив открытого окна, из которого виднелся дворец Канцелярии и Яникул. Голова его поникла, он больше не двигался. Так и нашел его врач: сердечный удар.

В своем завещании, датированном «Рим, 30 января 1970 г.» Эвола пожелал, чтобы его тело было кремировано, он воспрещал всякие проводы на кладбише, выставление в церкви, присутствие католических священников, «извешения о похоронах» в газетах. Кремация состоялась вечером 10 июля на кладбище «XIX secolo» в Сполето. По воле Эволы его прах был передан *Эудженио Давиду*, его товарищу по восхождениям на гору в тридцатые годы и был захоронен в расщелине ледника на вершине Монте Роза.

ОРИЕНТАЦИИ

Юлиус Эвола

1. — Хватит тешить себя оптимистическими иллюзиями. Сегодня мы находимся в конце цикла. Веками, поначалу незаметно, затем подобно лавине разрушительные процессы уничтожали на Западе всякий нормальный, законный порядок; фальсифицировали высшую концепцию жизни, действия, знания и борьбы. Скорость этого падения, его головокружительность была названа «прогрессом». Ему воспевали гимны, пытаясь обмануть самих себя тем, что эта цивилизация — материалистическая и механизированная — является цивилизацией в высшем смысле, естественным итогом всей мiровой истории. Это продолжалось до тех пор, пока последние завоевания «прогресса» не заставили кое-кого очнуться.

Известно где и под какими знаменами была предпринята попытка организовать сопротивление этому безудержному скатыванию в пропасть. Первой восстала нация, которая — со времен своего объединения — задыхалась в затхлой атмосфере либерализма, демократии и конституционной монархии, но осмелилась вернуться к римскому символу, ставшему основой новой политической концепции и нового идеала мужества и достоинства. Те же силы пробуждались в нации, которая в Средние Века также сделала своим римский символ Imperium во имя возрождения принципа авторитета и возвращения к ценностям, рожденным кровью, расой, сокровенными силами своего племени. По мере того, как подобные движения появлялись и в других европейских странах, на азиатском континенте возникла третья сила — нация самураев, которая, приняв внешние формы современного мiра, не отреклась от верности воинской традиции, воплотившейся в символе солнечной Империи божественного происхождения.

Мы не склонны утверждать, что упомянутые движения были безукоризненны. В них чувствовалось неумение четко отличить главное от второстепенного; их вожди далеко не всегда оказывались на высоте исповедуемых идей; они не сумели преодолеть влияния отдельных негативных тенденций. Однако, учитывая наличие неотложных, первостепенных политических задач, процесс идеологического очищения отошел на второй план. Несмотря на несовершенство, было очевидно, что возникло объеди-

нение сил, бросивших открытый вызов «современной» цивилизации: как демократическим наследникам Французской Революции, так и коллективистскому обществу Четвертого Сословия, коммунистическому обществу безличного человека-массы, представляющего собой крайнюю форму вырождения западного человека. Ритмы убыстрялись, напряжение росло, дело дошло до вооруженного столкновения. Победила массированная мощь коалиции, которая не проявила особой брезгливости в выборе союзников и прибегла к лицемерной, идеологической мобилизации, чтобы раздавить мiр, поднимающийся с колен и желающий утвердить свое собственное право. Оставим в стороне вопрос о том, были ли наши люди на высоте поставленной задачи, об их ошибках и недостатках, так как это не имеет никакого отношения к внутреннему смыслу разыгравшегося сражения. Равным образом нас не интересует и то, как история насмеялась над победителями: демократические силы, объединившиеся с красными, дойдя до безумного требования безоговорочной капитуляции и тотального уничтожения, сегодня обрели в лице своего вчерашнего союзника гораздо более серьезного врага.

Имеет значение лишь то, что сегодня мы находимся в мiре руин. Проблема, стоящая перед нами, заключается в следующем: остались ли еще люди, выстоявшие среди руин? И что они должны, что еще могут сделать сегодня?

2. — Данная проблема выходит за рамки коалиций прошлого, учитывая, что сегодня победители и побежденные находятся в равном положении и единственным результатом второй мiровой войны стало то, что Европа является объектом внешнеевропейских интересов. К тому же окружающее нас опустошение носит прежде всего моральный характер. Вокруг царит атмосфера всеобщей моральной анестезии, глубочайшей дезориентации. Несмотря на избитые лозунги, в обществе потребления и демократии основной характеристикой человека послевоенного поколения стало исчезновение характера и подлинного достоинства, идеологический маразм, господство нижайших интересов, желание жить одним днем.

В связи с этим становится понятно, что основная проблема имеет внутренний характер: подняться с колен, внутренне возродиться и распрямиться, дать себе форму, установить порядок в самом себе. Ничего не извлек из уроков истории тот, кто сегодня тешит себя иллюзиями возможности чисто политической борьбы силой каких-либо лозунгов или системы, если им не соответствует новое человеческое качество. Сегодня это очевидно как никогда. Если Государство обладает теоретически совершенной политической или социальной системой, но при этом человеческая субстанция неполноценна, то это Государство рано или поздно скатится на самое дно. Если же народ, раса способны родить настоящих людей, обладающих способностью правильного понимания и верным инстинктом, то даже если политическое устройство этого Государства далеко от совершенства, оно достигнет высочайшего уровня и устоит перед лицом тяжелейших испытаний. Таким образом, наша позиция прямо противоположна фальшивому «политическому реализму», способному мыслить исключительно категориями программ, практических организаторских вопросов, социальных и экономических рецептов, т.е. второстепенным, а не фунда-

ментальными понятиями. То, что можно еще спасти зависит лишь от существования людей, не проповедующих новые рецепты, но являющих собой пример; не склоняющихся перед демагогией и материализмом масс, но пробуждающих иное восприятие и иные интересы. Проблема на самом деле заключается в том, чтобы опираясь на то, что еще сохранилось среди руин, постепенно реконструировать нового человека, возродить его, дав ему особое состояние духа и мiровоззрение и связав его крепкими узами с определенными принципами.

3. — Каково же то духовное состояние, которое может послужить примером для сил сопротивления? Это — дух легионера. Это люди, которые предпочитают суровую и опасную жизнь, умеют сражаться, даже зная, что сражение уже проиграно (в материальном смысле); которые способны оценить слова древней саги: «Верность сильнее огня». Своим существованием они утверждают традиционную идею, состоящую в том, что именно чувства чести и позора (а не избитые истины мелкой морали) определяет существенное, экзистенциальное различие между людьми, так же как и между расами.

С другой стороны, это путь тех людей, для которых отныне цель стала средством; иллюзорность мифов не затрагивает в них того, что они способны достигнуть сами по себе, на границе между жизнью и смертью, по ту сторону мiра возможностей.

Основой нового единства может стать именно подобное духовное состояние. Важно суметь достичь его, взять на себя, сохранять не только в период войны, но и (и даже в первую очередь) в мирное время, которое на самом деле является лишь кратким перемирием в сражении с плохо сдерживаемым хаосом. Единство, возникающее на подобной основе должно стать чем-то более существенным, чем просто «партия» (которая может служить лишь временным орудием в конкретной политической борьбе) или «движение» (если под ним подразумевают лишь объединение масс, что является скорее количественным, чем качественным явлением, основанным на эмоциях, а не твердой, ясной приверженности идее). Это должна быть бесшумная революция, свершающаяся в глубине. В первую очередь в себе, в нескольких людях необходимо создать предпосылки порядка, который затем будет установлен вовне, в благоприятный момент молниеносно устранив разрушительные силы современного мiра. Должен возобладать «стиль», основанный на верности самому себе и идее, сосредоточенной моши, неприятии компромиссов, тотальном усердии, проявляющемся не только в политической борьбе, но и в повседневной жизни. Необходимо достигнуть такого состояния, чтобы описываемый нами тип человека был сразу заметен, чтобы его невозможно было спутать с другими, чтобы с первого взгляда можно было сказать: «Это наш человек».

Именно о подобном человеке мечтали создатели нового европейского порядка. Однако реализации этой мечты воспрепятствовали определенные факторы. Сегодня мы находимся в лучших условиях, так как позиции уже определились и мы прекрасно знаем, чем не должны быть. Бесформенному мiру, живущему по принципу: «Да кто тебя заставляет» или: «Сначала желудок, шкура, а потом мораль», или же: «Сейчас не те времена, когда можно позволить себе роскошь иметь характер» и, наконец:

«У меня семья» мы можем твердо и прямо сказать «Мы не можем по другому, это наш путь, таковы мы». Наша победа зависит не от ловких агитаторов и политиканов, но лишь от естественного признания превосходства и престижа людей как прошлого, так и (и даже в большой степени) нового поколения, способных жить и действовать на указанных принципах, что лишь одно дает гарантию их идее.

4. — Таким образом, мы делаем ставку на нового человека, который постепенно должен занять главенствующие позиции, не взирая на вчерашние заслуги, чины и социальное положение. Этот человек станет мерилом нашей моши, собственного призвания. Необходимо четко понять, что новый человек не имеет ничего обшего с классами как экономическими категориями и сопутствуюшими им противоречиями. Он может быть бедным или богатым, рабочим или аристократом, служашим или предпринимателем, теологом, инженером, крестьянином и даже политиком. Но этот человек должен понимать необходимость внутренней дифференциации, которая станет совершенной, когда вновь исчезнут сомнения в призвании и умении приказывать и подчиняться, когда возродившийся символ незыблемого авторитете воцариться в центре новых иерархических структур. Избранное нами направление является как антибуржуазным, так и антипролетарским, чистым от демократической заразы и «социальных» капризов. Оно ведет нас к ясному, мужественному, упорядоченному міру, созданному и управляемому людьми. Тип настоящего человека, абсолютной личности характеризуется презрением во всех областях к буржуазному мифу «безопасности», стандартизированной, конформистской, ручной и «морализованной» серой жизни; презрением к одурманиваюшим узам коллективистской и механизированной системы, к любой идеологии, предпочитаюшей путанные «социальные» ценности ценностям героическим и духовным. Мы сможем добиться чего-либо лишь тогда, когда вновь пробудится любовь к стилю активной безличности, когда станет важно действие, а не индивидуум; когда утверждают не самого себя, но дело, ответственность, взятую на себя задачу, поставленную цель. Там, где господствует подобный стиль, упрошается решение многих задач экономического и социального плана, которые невозможно решить из вне без соответствуюшего изменения духовного фактора и устранения идеологической заразы самим своим сушествованием обрекаюшей на неудачу всякую попытку возврата к норме и искажаюшей даже само понимание того, что это такое.

5. — Как в теории, так и в практической жизни крайне важно, чтобы новый человек четко видел взаимосвязь причин и следствий и сушностную непрерывность движения, породившего разнообразные политические формы, кружащие сегодня в хаосе партий. Либерализм, демократия, социализм, радикализм и наконец коммунизм и большевизм — лишь разные стадии одной и той же болезни, каждая из которых неизбежно ведет к следуюшей в обшем процессе разложения. Началом этого процесса стал разрыв западного человека с традицией, отрицание высшего символа авторитета и господства, стремление к пустой и иллюзорной индивидуальной свободе, к раздробленности и разобшенности вместо сознательного желания быть частью обшего органичного и иерархичного единства.

В конце концов, индивидуум оказался перед лицом миллионов других индивидуумов, вовлеченным в царство количества, чистого числа, в мір масс — материалистических и не имеющих иного Бога, кроме всепоглощающей экономики. На этом пути нельзя затормозить на полдороги. Не было бы Французской Революции и либерализма, не было бы конституционализма и демократии, без них в свою очередь не было бы и социализма и демагогического национализма; не будь социализма, не появились бы радикализм и наконец коммунизм. То, что сегодня иной раз отдельные формы подменяют друг друга или даже враждуют, не должно препятствовать осознанию того, что на самом деле все они взаимосвязаны, взаимообусловлены и являются лишь различными стадиями одного и того же движения, разрушающего нормальный и законный социальный порядок. Величайшим заблуждением наших дней является то мнение, что демократия и либерализм являются противоположностью коммунизма и способны сдержать натиск низших сил, которые на профсоюзном жаргоне называют «прогрессивным» движением. С таким же успехом можно считать сумерки противоположностью ночи или менее ярко выраженную форму зла — противоположностью четко выраженной и постоянно присутствующей формы того же зла, либо пытаться лечить отравление менее концентрированным раствором того же яда. Уроки прошлого, повторяющиеся повсюду изо дня в день, так ничему и не научили правительство «освобожденной Италии». Оно по-прежнему трогательно рядится в устаревшие и бесполезные политические маски на парламентском карнавале; танец смерти на пробуждающемся вулкане. Но мы должны научится мужеству радикализма, умению сказать нет политическому декадентству во всех его формах как левых, так и мнимо правых. Необходимо понять, что нельзя вступать в сделку с силами разрушения, попытка уладить дело мирным путем равноценна сдаче, поражению сегодня и окончательному уничтожению завтра. Идейная принципиальность — это готовность в нужный момент выступить вперед с чистыми силами.

При этом безусловно необходимо отречься от идеологических заблуждений, к сожалению распространенных в довольно широких кругах молодежи. Пытаются оправдать произошедшее тем, что якобы ранее свершенные разрушения были необходимы и служили «прогрессу». Утверждают, что надо сражаться не за известные уже истины, всегда лежавшие в основе любого правильного социально-политического устройства, но за нечто «новое», расположенное в детерминированном будущем. Нам смешны обвинения в «антиисторизме» и «реакционности». Не существует Истории с большой буквы, некой мистической сущности. Люди, насколько они действительно люди делают и изменяют историю. Так называемый «историзм» на самом деле — это тот же «прогрессизм» в терминологии левых и весь его смысл состоит лишь в усилении пассивности по отношению к набирающему силы потоку, влекущему все ниже и ниже. Что до «реакционности», спросите обвиняющего вас: А, вы, значит, хотите, чтобы пока вы действовали, всё разрушая и профанируя, мы не «реагировали», а смотрели бы на все это и даже говорили вам: молодцы, продолжайте? Мы не «реакционеры» лишь потому, что это слово недостаточно сильно и в первую очередь потому,

что мы основываемся на позитивном, являемся представителями изначальных и реальных ценностей и не нуждаемся в свете «солнца будущего».

В частности в свете нашего «радикализма» становится очевидной незначительность противоречия между красным «Востоком» и демократическим «Западом». Столь же трагически незначительным выглядит возможный вооруженный конфликт двух блоков. Конечно, можно пытаться выбирать меньшее из зол, так как победа в войне «Востока» привела бы к физическому уничтожению последних представителей сопротивления. Однако, с точки зрения идеи СССР и США — это клеши с двух сторон, сжимающиеся в железной хватке вокруг Европы. Различные по форме, но одинаковые по сути они вдохновлены одной силой, чуждой и враждебной. Стандартизация, конформизм, демократическая уравниловка, мания производства, насильственный *brains trust*, материализм и наконец американизм лишь расчищают путь конечной фазе — коммунистическому идеалу человека-массы. Американизм отличается лишь тем, что атака на качество и личность ведется не насильственными и принудительными методами как при марксистской диктатуре, но почти спонтанно путем создания общества, не знающего более высоких идеалов, чем богатство, потребление, доход, неудержимый рост производства, т.е. то, что является идеалом и современной Европы, только более ярко выраженный и доведенный до абсурда.

Но примитивизм, механистичность и животность встречаются как с одной, так и с другой стороны. В определенном смысле американизм для нас опаснее коммунизма, так как действует подобно Троянскому коню. Когда атака на сохранившиеся ценности европейской традиции ведется впрямую, как это свойственно большевистской идеологии и сталинизму возникает противодействие, можно сохранить отдельные, пусть даже слабые бастионы сопротивления. Когда же то же зло действует более изощренно и перемены в обычаях и общем міровоззрении происходят незаметно, то дело обстоит иначе. Во имя демократии с легким сердцем, подчинившись влиянию американизма, Европа сама отказалась практически уже от всех своих идеалов, так что возможно не понадобится даже военного вмешательства, чтобы путем «прогресса» прийти к тому же состоянию. Повторим, на полпути не останавливаются. Американизм, желая того или нет, работает на своего врага, на коллективизм.

6. — В связи с вышесказанным наш реконструктивный радикализм утверждает невозможность компромисса не только с любым проявлением марксистской или социалистической идеологии, но и со всем, что можно объединить понятием ослепления или демонизма экономики. Мы имеем в виду идею, утверждающую, что как в индивидуальной, так и коллективной жизни экономический фактор является первостепенным и решающим; что концентрация всех ценностей и интересов на экономическом и производственном уровне является не беспрецедентным заблуждением современного западного человека, но нормой; не тем, возникает лишь по случайной необходимости, но тем, что стоит восхвалять и к чему надо стремиться. Из этого мрачного замкнутого круга не способны найти выхода ни капитализм, ни марксизм. Мы должны разорвать этот круг. Тогда как другие думают лишь об экономических классах, работе, зарплате и продукции,

веря в то, что подлинный человеческий прогресс и истинное совершенство личности обусловлены конкретной системой распределения благ, и, следовательно, зависят от бедности или богатства, т.е. связаны с государством *prosperity* США или утопическим социализмом. Мы утверждаем, что подобная точка зрения неприемлема. Мы утверждаем, что в нормальном человеческом обществе экономика и экономические интересы как средство удовлетворения физических потребностей играли, играют и всегда будут играть лишь второстепенную роль. Мы утверждаем, что вне сферы экономических интересов необходимо утвердить высшие ценности: политические, духовные и героические, не признающие и не допускающие деления на «пролетариев» и «капиталистов» и, что лишь при наличии этих ценностей возможны идеи, ради которых стоит жить и умирать, подлинная иерархия и новое достоинство, лишь в этом случае воцарится высшее воплощение господства imperium.

Рассуждая таким образом, мы удаляем сорную траву, проросшую даже в наших рядах. Действительно, что означают все эти разговоры о «Государстве труда», «национал-социализме», «гуманизме труда» и т.п. К чему ведут сомнительная идея «интегрального корпоративизма» и требования регресса политики в экономику, раздающиеся среди отдельных представителей фашистской партии, но к счастью не находящие поддержки. Что за странное желание считать «социализм» универсальным средством от всех напастей, а «социальную идею» — символом новой цивилизации, которая непонятным образом должна отличаться как от «Запада», так и от «Востока».

Подобные взгляды, к сожалению, находят широкое распространение среди наших сторонников. Они считают, что таким образом сохраняют верность «революционному» духу, хотя на самом деле лишь поддаются более сильному внушению деградировавших политиканов. К этому же разряду относится пресловутый «социальный вопрос». Когда же наконец поймут, что марксизм возник не потому, что действительно существует социальный вопрос, но наоборот социальный вопрос родился из марксизма, т.е. искусственным путем, вследствие агитации известных «разжигателей» классового сознания, о чем недвусмысленно заявил Ленин, опровергая спонтанность революционного пролетарского движения. Поэтому он является заведомо неразрешимым.

В связи с этим одной из первоочередных задач является депролетаризация. Здоровой части народа необходимо сделать прививку против вируса социализма. Лишь при этом условии возможно проведение необходимых реформ.

Так, в частности можно по иному взглянуть на идею корпоративизма как основу реорганизации. Корпоративизм должен стать не государственной, бюрократической структурой, поддерживающей разрушительную идею классовой борьбы, но необходимостью восстановления внутри предприятия единства, солидарности различных сил; единства, существовавшего ранее, но нарушенного с одной стороны капитализмом (возникновением паразитического типа капиталиста-финансиста и спекулянта), а с другой марксистской агитацией. На предприятии должен воцарится дух воинской дисциплины; ответственность, энергичность и компетентность руководителя долж-

на уравновешиваться солидарностью и верностью рабочих, сплоченных вокруг него обшим делом. Основная задача состоит в органической реорганизации предприятия и для этого нельзя прибегать к низким методам пропаганды и в целях предвыборной агитации заискивать перед бунтарским духом низов, рядясь в одежды «социальной справедливости».

Короче говоря, необходимо восстановить на производстве стиль активной безличности, достоинства и солидарности, свойственный старинным ремесленным и профессиональным корпорациям. Никаких профсоюзов с их «борьбой» и постоянным вымогательством. Но повторим — надо начинать изнутри. Важно, чтобы каждый сумел любым проявлениям социального недовольства и антагонизма противопоставить любовь к своему собственному месту, соответствующему его призванию, тем самым признавая пределы своих способностей и совершенства: так ремесленник, овладевший в совершенстве своей профессией, безусловно, выше плохого царя.

В частности возможна замена партийного парламентаризма системой технического профессионализма и корпоративного представительства. Но при этом нельзя забывать, что в целом профессиональную иерархию нельзя ставить выше общей иерархии, так как первая является средством, необходимо подчиненным целям, выражаемым политической и духовной частью Государства. Идея «государства труда» равноценна приравниванию части к целому, т.е. как если бы мы рассматривали человеческий организм лишь как некий механизм, сведенный до чисто растительно-физических функций. Подобные идеи для нас неприемлемы. «Социальная идея» не может стать основой третьего пути, противоположного как «Западу», так и «Востоку». Для этого необходима идея интегральной иерархии. Сомнения здесь недопустимы.

7. — Несмотря на то, что идеал мужественного и органичного политического единства составляет неотъемлемую часть разрушенного міра, необходимо сказать несколько слов о тех случаях, когда этот идеал подвергался искажениям и практически исчезал. Мы имеем в виду ложный путь «тоталитаризма». Правильное понимание этого вопроса крайне важно, так как в ином случаем мы можем сыграть на руку противнику. Бывают иерархии и иерархии, а органичная концепция не имеет ничего общего с маразматическим культом Государства и уравнительской централизацией. Для индивида реальное преодоление как индивидуализма, так и коллективизма осуществимо лишь в том случае, когда люди стоят перед людьми в естественном разнообразии их природы и качеств. Единство, преодолевающее раздробленность и абсолютизацию частного должно быть по сути своей духовным: чем-то подобным влиянию, исходящему из центра и задающему ориентацию; импульсу, принимающему самые разнообразные формы в зависимости от конкретных обстоятельств, в которых он проявляется. В этом состоит подлинная сущность «органичной» концепции, противоположной негибким и поверхностным отношениям, свойственным «тоталитаризму». Лишь при этом условии возможна реализация достоинства и свободы личности, которые либерализм способен понять лишь в индивидуалистическом, уравнительном и собственническом смысле. Именно

с этой точки зрения необходимо рассматривать структуры нового социально-политического строя, твердо и четко разграничивая эти концепции.

Однако, подобное устройство с необходимостью требует наличия центра, высшей точки ориентации. Нужен новый символ авторитета и господства. Должна быть поставлена четкая, ясная задача; идеологические уловки неприемлемы. Так называемая проблема общественного устройства в данном случае второстепенна; основной задачей является создание особой атмосферы, под влиянием которой способны обрести новую жизнь такие черты как верность, преданность, служение, внеиндивидуальное действие и преодолеть серость, механистичность и неискренность современного социально-политического міра. Однако этот путь может завести в тупик в случае неспособности к аскетизму чистой идеи. Для многих ясное видение правильного направления затмевают как отдельные неудачные моменты наших национальных традиций, так и (и даже в большей степени) трагические последствия прошлого. Мы говорим о тех, кто осуждает монархию, имея в виду не чистый принцип, а лишь символ, лишенный сути и мужественности и сохранившийся в жалком виде конституционной, парламентской монархии. С чем действительно несовместимы наши взгляды, так это с республиканской идеей. Быть антидемократом и при этом защищать республиканскую идею — очевидный абсурд. Республика (само собой современная, так как античные республики были аристократическими как Рим или олигархическими и, в последнем случае нередко тиранического типа) по сути своей рождена міром, проникнутым духом якобинства и антитрадиционного, антииерархического движения XIX века. Это не наш мір и его идеи не могут быть нашими. В принципе, если нация переходит от монархии к республике, то она необходимо становится «деклассированной». В частности, в Италии из ложной верности идеям фашизма времен Сало не имеет смысла исповедовать республиканскую идею, так как тем самым одновременно предается нечто большее и лучшее, выбрасывается на ветер основа идеологии двадцатилетнего периода, т.е. доктрина Государства в функции авторитета, власти, *imperium*.

Без этой идеологии невозможно удержаться на высоте и не подыграть противнику. Конкретизацию символа на данный момент можно оставить в стороне: основной задачей является молчаливая подготовка духовной атмосферы, в которой возродится и вновь обретет значение во всей своей полноте символ незыблемого вышестоящего авторитета. Совершенно очевидно, что эта роль абсолютно не подходит выборному «президенту» республики и тем более народному трибуну или предводителю, обладающим бесформенной индивидуальной властью, полностью лишенной высшей легитимности и опирающейся на шаткий престиж, заработанный игрой на иррациональных инстинктах масс. Подходящее название для подобной власти — «бонапартизм»; она является не противоположностью демагогической, «народной» демократии, но ее логическим завершением: одним из наиболее мрачных персонажей Шпенглеровского «заката Запада». Это еще один пробный камень для наших: умение почувствовать эту разницу. Уже *Карлейль* говорил о «міре слуг, желающих правления псевдогероя», а не Господина.

8. — В том же ряду стоит проблема отношения к патриотизму и национализму. Прояснение ее также крайне необходимо, так как сегодня многие, пытаясь спасти то немногое, что еще

сохранилось, обращаются к сентиментальной и одновременно натуралистической национальной идее. Это понятие чуждо более высокой европейской традиции и мало совместимо с самой идеей государства, о которой мы говорили ранее. Даже если забыть о том, что идею патриотизма в риторических и лицемерных целях вызвали к жизни наши противники, сама по себе в наше время она неприемлема. Во-первых, потому, что она препятствует созданию крупных сверхнациональных блоков и во-вторых, так как становится все более очевидной необходимость поиска общих европейских ориентиров, способных объединять вне рамок неизбежного партикуляризма, присущего натуралистической национальной идее и еще в большей степени «национализму». Это прежде всего принципиальный вопрос. Политический уровень как таковой превосходит тот уровень, на котором возникают общие натуралистические понятия, такие как нация, родина и народ. На высшем уровне объединяет и разделяет идея, носителем которой является элита, реализация же ее происходит посредством Государства. Поэтому доктрина фашизма (в данном вопросе верная лучшей европейской традиции) считает приорітетными Идею и Государство по сравнению с нацией и народом, считая, что лишь в рамках Государства нация и народ способны обрести форму и достигнуть более высокого уровня существования. В кризисный период (как сегодня) необходимо стойко хранить верность этой доктрине. Наша истинная родина в Идее. Объединяет не земля или язык, но общая идея. Это основа, точка отсчета. Коллективистскому единству нации — *des enfants de la patrie* — рожденному якобинской революцией, мы противопоставляем идею Ордена, объединяющего людей верных принципам, свидетелей высшего авторитета и высшего закона, рожденных Идеей. Добиваясь в практических целях новой национальной солидарности нельзя идти на компромисс; единство должно быть создано и определено на основе Идеи — как политической идеи и міровоззрения. В другом случае результат будет иллюзорным. Иного пути сегодня нет: необходимо, чтобы среди руин начался процесс восстановления изначальных идей, который, основываясь на элитах и символе авторитета или господства, объединит народы в традиционные великие Государства, подобно тому, как формы рождаются из бесформенного. Требование реальности идей не должно привести к скатыванию на суб-политический уровень: натуралистический и сентиментальный уровень риторического лжепатриотизма. Если все-таки желание примерить нашу идею с национальными традициями остается — будьте осторожны. Существует «история родины», написанная масонскими и антитрадиционными историками, стремящимися объяснить все проблематичные аспекты итальянской истории особенностями национального характера. Мы не согласны признать себя в этой фальсифицированной истории. Мы охотно отказываемся от нее в пользу тех итальянцев, которые в «освобождении» и партизанском движении видят «Второе Возрождение».

Идея, Орден, элита, Государство — вот наши позиции и мы будем удерживать их насколько это возможно.

9. — Необходимо сказать несколько слов о проблеме культуры. Мы не хотим преувеличивать ценность культуры. «Міровоззрение» основывается не на книгах; это внутренняя форма, которая иной раз в человеке без особого образования выражена куда более ярко, чем у иного «интеллектуа-

ла» или ученого. Необходимо понять, что человек открыт для любого влияния, даже такого перед которым он не способен устоять, которое не может правильно понять и оценить.

Мы говорим здесь об этом лишь для того, чтобы вкратце объяснить, как обстоят дела в этой области. В современном міре существуют специфические движения, от которых молодежь обязана внутренне отгородиться. Мы уже говорили в начале об особом стиле, внутреннем стержне. Этот стиль требует правильного знания и в первую очередь молодые должны научится различать отравляющее влияние, оказываемое на все поколение различными движениями, объединенными искаженным и фальшивым міровоззрением. В той или иной форме эти яды отравляют культуру, науку, социологию, литературу; действуют подобно очагам инфекции, которые необходимо выявить и уничтожить. Среди них, кроме исторического материализма и экономизма, о которых мы уже говорили, стоит особо отметить дарвинизм, психоанализ и экзистенциализм.

Против дарвинизма восстает достоинство человеческой личности, осознающей свое истинное место не в роли одного из многочисленных видов животных, эволюционировавшего путем «естественного отбора» и всегда привязанного к животному, примитивному предку, но как существо, которое должно возвысится над биологическим уровнем. Даже если о дарвинизме сегодня больше не кричат на всех перекрестках, тем не менее, основное осталось — биологический миф Дарвина в том или ином варианте стал догмой; кто его не признает, подвергается анафеме со стороны «науки», он торжествует в материализме как марксистского, так и американского общества. Современный человек настолько привык к этой деградированной концепции, что признает ее с легкостью и даже считает естественной.

Против психоанализа выступает идеал Я, не отрекшегося, желающего остаться сознательным и независимым, повелителем темной, нижайшей части своей души и демона сексуальности; оно не чувствует себя ни «подавленным», ни психологически раздробленным, но реализует равновесие всех своих возможностей, подчиняемых высшему смыслу жизни и действия. Можно отметить одно интересное совпадение: отрицание приоритета сознательного принципа личности, выделение бессознательного, иррационального, «коллективного бессознательного» и другие подобные выверты психоанализа и аналогичных школ прямо соответствуют тем принципам, на которых в современном социальном историческом міре основываются движение снизу, разрушение, революционная замена высшего низшим и отрицание всякого принципа авторитета. В двух различных сферах действует та же тенденция и результаты не могут не совпадать.

Экзистенциализм, если даже рассматривать его как собственно философию, хранимую сегодня узкими кругами специалистов, по сути своей является особым душевным состоянием, которое в результате кризиса стало постоянным; истину сломанного и противоречивого человеческого типа, воспринимающего свободу как тоску, трагедию и абсурд, так как он не чувствует себя достойным этой свободы, от которой не волен освободится и к которой приговорен в міре, лишенном ценности и смысла. И это притом, что уже *Ницше* указал путь к новому обретению смысла

жизни и возможность дать самому себе закон и незыблемую ценность даже перед лицом радикального нигилизма под знаком позитивного экзистенциализма, согласно его выражению: экзистенциализма «знатной натуры».

Подобные идеи необходимо преодолеть, причем не просто интеллектуально, но пережив, реализовав все указанные тенденции в их прямом значении во внутренней жизни и в собственном поведении. Сопротивление невозможно, пока поддаются влиянию подобных форм ложного и извращенного мышления. Только преодолев их отравляющее влияние можно достигнуть ясности, прямоты, силы.

10. — Теперь поговорим немного о проблеме поведения. Коммунизм бросил лозунг антибуржуазности, подхваченный некоторыми представителями культурной среды, так называемыми интеллектуалами. Необходимо правильно понять эту проблему. Буржуазное общество это нечто промежуточное, поэтому существует два способа преодолеть буржуазию, сказать нет буржуазному типу, обществу, духу и ценностям. Первый путь ведет еще ниже к коллективистскому и материалистическому человечеству с его «реализмом» а-ля марксизм: социалистические и пролетарские ценности против «буржуазного» и «капиталистического декадентства». Но другой путь победить буржуазию заключается в реальном уходе от нее вверх. Новые люди будут антибуржуазны благодаря описанной высшей концепции жизни — героической и аристократической; благодаря тому, что презирают удобную жизнь, идут не за тем, кто сулит материальные блага, а требует всего от себя самого; наконец, потому, что не заботятся о безопасности, но любят союз жизни и риска во всех сферах, принимая на себя неумолимость голой идеи и ясного действия. Новый человек, эмбрион возрождающего движения будет антибуржуазен и будет отличаться от предыдущих поколений еще и своей нетерпимостью к любым проявлениям риторического и фальшивого идеализма, красивым словам с большой буквы, всякому жесту, фразе и показухе. Существенность, новый реализм, проявляющийся в точной оценке поставленных проблем; стремление быть не тем, чем кажешься, но тем, кто есть; не болтать, но молчаливо делать свое дело в полной гармонии с родственными силами по велению звучащему свыше — вот его стиль поведения. Кто вступает в сражение с левыми силами лишь во имя идолов, стиля жизни и лицемерной, конформистской морали буржуазного міра, тот уже проиграл битву заранее. Человеку, не сдавшемуся, прошедшему огонь внутреннего и внешнего разрушения этот путь не подходит. Подобный человек не желает быть орудием политической буржуазной псевдореакции, он возвращается к чуждым и высшим буржуазному міру и эре экономики силам и идеалам и с их помощь выстраивает защитную линию, укрепляя позиции, с которых в нужный момент начнет молниеносное действие возрождения.

Здесь мы вновь говорим о невыполненной задаче: в фашистский период существовала антибуржуазная тенденция, что в дальнейшем могло бы привести к правильному развитию. К сожалению, и в этом случае, качество людей оказалось не на высоте поставленной задачи. Вместо того, чтобы стать антириторичными, сумели быть лишь риторичными.

11. — Рассмотрим вкратце последний вопрос: отношение к господствующей религии. С нашей точки зрения, светское Государство в любой его разновидности принадлежит прошлому. В частности и так называемое «этическое Госу-

дарство», концепция которого нашла широкое распространение в определенных кругах. Она обязана своим рождением представителям вялой, ложной, пустой «идеалистической» философии, присоединившимся к фашизму, но по своей привычке к «диалектическому» обману заручившимся при этом поручительством и антифашистского Креста.

Столь же неприемлемо для нас и клерикальное Государство. Религиозный фактор должен служить фоном подлинной героической концепции жизни, играющего в ней первостепенную роль. Необходимо чувствовать в самом себе очевидность существования по ту сторону земной жизни высшей жизни, так как лишь в этом случае можно обрести реальную и непобедимую силу и быть способным на абсолютный прорыв. В ином случае бросить вызов смерти, не придавая значения ценности собственной жизни, возможно лишь в редкие моменты экзальтации и торжества иррациональных сил. Здесь отсутствует дисциплина в высшем, автономном смысле, устанавливающаяся в личности. Духовность, которой мы должны обладать, не нуждается в обязательных догматических установках конкретной религиозной конфессии. Наш стиль жизни не католический морализм, целью которого стало чуть ли не добродетельное одомашнивание человеческого животного. В политическом плане наша духовность не может не питать презрения к гуманитаризму равенству, принципам любви и всепрощения, (пришедших на смену чести и справедливости), ставших неотъемлемой частью христианской концепции.

Безусловно, если бы католичество смогло взять на себя высшую аскезу и на этой основе (в духе лучших времен крестовых походов Средневековья) создать из духовной веры вооруженный блок сил, новый Орден храмовников, сплоченный и беспощадный к движениям хаоса, разрушения и практического материализма современного міра, тогда бы мы ни минуты не колебались в нашем выборе. Но, как всегда бывает, учитывая лицемерный и по сути буржуазный уровень, до которого сегодня докатилась церковь, а также модернистские уступки и усиливающуюся открытость левым силам со стороны «обновленческой» Церкви, для нас достаточно чистого обращения к духу, как очевидности трансцендентной реальности, с тем, чтобы объединить нашу силу с иной силой, получить незримой освящение нового міра людей и новых вождей.

* * *

Мы указали основные направления грядущей битвы. Наши замечания пригодятся, прежде всего, молодежи, принявшей факел борьбы от тех, кто не сдался. Необходимо извлечь уроки из прошлого, которое дает о себе знать до сих пор, научится оценивать и понимать произошедшие события. Самое главное не опускаться до уровня наших противников, не ограничиваться простым скандированием лозунгов, не отстаивать безоговорочно прошлое в том случае, если оно достойно памяти, но на сегодня не обладает реальной и безличной идеей-силой, не уступать влиянию фальшивого политиканствующего реализма, болезнью всех «партий». Наши силы должны вступить в прямую политическую борьбу с целью отвоевания возможного пространства в современной ситуации и сдерживания наступления левых сил. Столь же важно создание элиты, которая со сдержанной силой, следуя интеллектуальной строгости и абсолютной непримиримости, определит идею в рамках ко-

торой, необходимо обьединится и утвердит ее прежде всего в виде нового человека, человека сопротивления, выстоявшего среди руин. Если мы преодолеем этот период кризиса и неустойчивого, иллюзорного порядка, лишь этому человеку будет принадлежать будущее. Но даже если судьба этого міра предрешена и грядет его окончательное разрушение, мы обязаны непоколебимо стоять на следующих позициях: в любом случае то, что должно быть сделано — будет сделано; эта страна — наша и никогда не будет ни захвачена, ни уничтожена врагом.

ДВОЙНОЙ АСПЕКТ БЕЗЫМЯННОСТИ

Юлиус Эвола

Рассмотрим проблему личности и индивидуума в современном міре.

Сегодня многие оплакивают «кризис личности» и по-прежнему выступают в зашиту западной цивилизации, нередко взывая к «ценностям личности», каковые они полагают наиболее существенным элементом европейской традиции.

Для того, чтобы правильно разобраться в этой проблеме недостаточно ограничится вялыми нападками на коллективизм, механистичность, стандартизацию и «бездуховность» современного существования. Необходимо четко установить, что, собственно говоря, нуждается в спасении и зашите. Однако, современные интеллектуалы, принимаюшие близко к сердцу «зашиту личности», не способны найти удовлетворительного решения данной проблемы, так как они практически все без исключения продолжают мыслить и оценивать происходящее согласно категориям либерализма, естественного права или гуманизма.

Тогда как отправной точкой должно стать различие, существуюшее между понятиями *личность* и *индивидуум*. Индивидуум, в узком смысле этого слова означает абстрактную, бесформенную, чисто количественную единицу. Как таковой индивидуум не обладает собственными качествами, которые реально позволяли бы отличить его от других. Лишь рассматривая человека в качестве простого индивидуума можно говорить о равенстве всех людей и, следовательно, признавать за всеми равные права и обязанности, а также предполагать их равноценность как «человеческих существ» (понятие «человеческое существо» лишь «облагороженная» транскрипция понятия индивида). В социальном плане это соответствует экзистенциальному уровню, связанному с «естественным правом», либерализмом, индивидуализмом и абсолютной демократией. Одним из наиболее принципиальных и очевидных аспектов современного упадка стало возвышение индивидуализма, что по сути своей является следствием разрушения органичных и иерархических структур, которые в прошлом составляли основополагаюший элемент традиции, а сегодня заменены атомистическим множеством индивидуумов в міре количества, т.е. массой.

«Зашита личности», опирающаяся на индивидуализм абсурдна и бессмысленна. Нелогично выступать против міра масс и количества, не понимая того, что причиной его появления становится именно индивидуализм, который в свою очередь является естественным следствием процессов «освобождения» человека, которые на историческом уровне приводят к полностью противоположному результату. В нашу эпоху, указанные процессы уже обрели необратимый характер.

Это относится не только к социальной сфере, но также и к культуре. Чисто поверхностные, внешние различия возникают лишь благодаря тому, что сфера культуры в некотором роде изолирована, оторвана от сил, действующих в современном міре. Хотя в данной области более не имеет смысла говорить об атомистическом индивидуализме, тем не менее, идея личности в ней по-прежнему остается связанной с субъективностью, покоящейся на индивидууме, где убогость или просто-напросто полное отсутствие духовной основы пытаются прикрыть литературным или художественным талантом, безродным интеллектуализмом и оригинальностью или же творческой силой, лишенной всякого глубокого значения.

Действительно на Западе существует своего рода тайный сговор между индивидуализмом, субъективизмом и «индивидуальностью», который был заключен во времена Возрождения во имя пресловутого «открытия человека», которое превозносит антитрадиционная историография, при этом умалчивая о неизбежной обратной стороне этого открытия, т.е. об относительно сознательном и полном отказе от трансцендентного измерения, либо же просто считая последнее положительным моментом. Величие и мощь «творческого духа» той эпохи не должны заслонить от нашего взора данного значения этой тенденции. Шуон прекрасно показал подлинную ситуацию, сложившуюся в области искусства: «С человеческой точки зрения некоторые мастера эпохи Возрождения действительно обладают величием, но это величие оборачивается ничтожеством перед величием сакрального. В сакральном гений как бы скрыт, невидим; в нем царит безличный, необъятный, таинственный дух. Произведения сакрального искусства овеяны дыханием бесконечного, несут на себе печать абсолюта. Индивидуальный талант подчинен ему; он сливается с творческой функцией целостной традиции, которую невозможно ни подменить, ни, тем более, превзойти человеческими силами». Можно сказать то же самое относительно того как «личность» утверждалась в других областях в эту эпоху: начиная с Государя Макиавелли и его до той или иной степени совершенных исторических воплощений вплоть до кондотьеров и народных предводителей, в обшем всех тех персонажей, которые завоевали симпатию Ницше, поскольку отличались громаднейшим, но бесформенным, резервом силы.

Позднее эта склонность акцентировать внимание на человеческом и индивидуальном «я», основе «гуманизма» проявилась как побочный продукт в «культе я» XVIII-го буржуазного века, связанном с эстетским культом «героев», «гениев» и «аристократов духа». Большинство современных «защитников личности» скатилось на еще более низкий уровень: для них принципиальную роль играют такие черты как тщеславие, стремление выставить себя напоказ, культ «внутреннего міра», мания оригинальности, бахвальство писа-

телей. Даже не выходя за рамки искусства, совершенно очевидно, что для них понятие «личность» практически всегда связано с внутренним убожеством. Зашищая систему взглядов прямо противоположную нашей, *Лукаш*, тем не менее, правильно подметил, что: «Современная привычка переоценивать и преувеличивать значение творческой субъективности свидетельствует о слабости и скудности индивидуальности этих писателей; все чаще они вынуждены прибегать к чисто спонтанным или с трудом выращенным в тепличных условиях "тонкостям" для того, чтобы как-то выделить себя; соответственно уровень міровоззрения все более понижается, что заставляет думать о том, что все попытки преодолеть субъективную непосредственность ведут к полной нивелировке "личности", и все большее значение придается чисто непосредственной субъективности, которую они отождествляют с литературным талантом». Характер «нормативной объективности», присущий подлинно традиционному искусству полностью исчезает. Современная интеллектуальная продукция почти вся целиком относится к тому, что *Шуон* точно определил как «интеллигентная тупость».

Заслуживают внимания разнообразные объективные процессы, происходящие в современном міре, целью которых вне всякого сомнения является устранение этих форм индивидуалистической «личности». Учитывая общую ситуацию, можно сказать, что данное явление не стоит считать чисто отрицательным для того единственного типа человека, который нас здесь интересует, напротив: чем дальше зайдет процесс разрушения ценностей личности — будь то по внешним или по внутренним причинам — тем лучше.

Такова предпосылка. Для продолжения нашего анализа необходимо устранить всякую двусмысленность и прояснить идеи, что возможно лишь в том случае если мы вернемся к первоначальному и действительному значению понятия «личность». Известно, что первоначально слово «личность» означало «личина», т.е. маску, которую надевали древние актеры для исполнения какой-либо роли, воплощения определенного персонажа. В связи с этим можно сказать, что маска была чем-то *типичным*, а не индивидуальным, особенно в том случае, когда актер воплощал в своей роли какое-либо божество (еще более очевидным образом это проявляется в различных древних обрядах). То есть «личность» это то, что конкретно и ощутимо представляет собой человек в міре, в определенной ситуации, которую он берет на себя, *но при этом «личность» всегда является формой выражения и проявления высшего принципа, который необходимо считать истинным центром существа*, на котором ставится или должен ставится акцент «Само».

«Маска» — это нечто четкое, определенное и структурированное. Человек как «личность» (= личина) уже тем самым отличается от простого индивидуума, имеет форму, является самим собой и принадлежит самому себе. Именно поэтому в обществе, обладающем традиционным характером, ценности «личности» связаны с міром качества, различия, типов. Естественно в таком обществе существовала система органичных, дифференцированных, иерархических отношений, возникновение которой абсолютно немыслимо не только при массовых режимах, но и в системах, основанных на индивидуализме, «ценностях личности» и демократии.

Как и индивидуум, личность в определенном смысле замкнута по отношению к внешнему міру. Однако в отличие от индивидуума личность *не закрыта для міра горнего*. Личное бытие не *есть* оно само, но *обладает* самим собой (отношения между актером и его ролью): оно суть *присутствие* для того, что оно есть, но не слияние с тем, что оно есть. Более того, налицо парадокс: для того, чтобы быть действительно личностью как таковой, необходимо обращение к чему-то большему, чем личное. В ином случае личность превращается в «индивидуума», что в свою очередь неизбежно ведет к индивидуализму и субъективизму. В начальной фазе может показаться, что ценности личности сохраняются и даже усиливаются благодаря тому, что центр так сказать перемешается вовне, приобретает более внешний характер. Однако совершенно очевидно, что «защита личности» на этом уровне становится шаткой и непрочной, так как переходит в сферу случайного; здесь уже не остается ничего, обладающего глубокими корнями и изначальной силой. Отныне все личное теряет не только символическую ценность, свое значение символа, выражающего нечто трансцендентное, но также мало помалу и свой типичный, т.е. позитивный и антииндивидуалистский характер, который неизбежно связан с трансцендентностью.

Для лучшей ориентации имеет смысл уточнить тот смысл, который вкладывали в понятие «типичности» в традиционном обществе. Этот термин означал точку соприкосновения индивидуального (личности) и сверхиндивидуального, граница между которыми соответствовала совершенной форме. «Типичное» лишает ин-

дивидуальности в том смысле, что личность воплошает в данном случае по сути некую идею, закон, функцию. Это никак не соответствует современному понятию индивидуума; второстепенные индивидуальные черты смываются перед лицом смысловой структуры, которая проявляется в практически неизменном виде во всех тех случаях, когда достигается то же совершенство. Индивидуум становится «типичным», т.е. сверхличным. В соответствии с принципом «Абсолютное Имя более не является именем» он становится безымянным. Традиционализм в высшем смысле является своего рода освяшением этой безымянности, или путем к ней в области действия и в определенных условиях. Можно было бы сказать, что лич-

ность обретает «универсальный» и «вечный» характер, однако эти выражения излишне опошлены риторическим, абстрактным употреблением, что затмевает их конкретное и действительное значение. Поэтому лучше определить описываемую здесь ситуацию, как ситуацию существа, в котором сверхиндивидуальный принцип — Само, трансцендентность — остается сознательным и придает своей «роли» (личности) *объективное* совершенство, свойственное данным функции и значению.

Из этого следует, что существует два способа понимания безличности, одновременно схожих и противоположных: один не достигает, а другой превосходит уровень личности; один ведет к индивидууму, в его бесформенном виде числовой и недифференцированной единицы, которая при умножении производит анонимную массу; другой представляет собой типичный апогей самодержавного существа, т.е. *абсолютной личности*.

Эта вторая возможность лежит в основе активной безымянности, свойственной традиционным обществам и соответствует направлению, полностью противоположному любой деятельности, творчеству или самоутверждению, которые основываются на «я». Как мы говорили, личное становится безличным; на первый взгляд парадоксальное превращение, свидетельствующее о подлинном величии личности, которое достижимо в том случае, когда на первое место выходит творение, а не творец, когда объективность торжествует над субъективностью. Когда на человеческом уровне нечто просвечивает из той обнаженности, из той чистоты, которые являются достоянием великих сил природы: в истории, искусстве, политике, аскезе, во всех сферах существования. Можно было бы назвать это «цивилизацией безымянных героев», однако, безымянность существует и в спекулятивном плане, в том случае когда считается очевидным, что любая мысль, соответствующая истине, не может принадлежать конкретному индивидууму. Вспомним, к примеру, обычай менять свое имя на другое, которое означало уже не индивидуума, человека, но функцию или высшее призвание, когда личность призывалась к исполнению высшей миссии (царствование, папство, монастырские ордена и т.д.).

Все это раскрывалась во всей полноте своего смысла в традиционном обществе. В современном мiре, в эпоху распада, в данной области, как и в любой другой, мы можем указать лишь общее направление. Мы сталкиваемся здесь с частным аспектом ситуации, предполагающей некую альтернативу и испытание.

Глава из книги: Julius Evola. Chevaucher le tigre. Guy Tredaniel — La Maisnie: Parigi, 1982

ИНИЦИАЦИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО MIPA

Сергей Яшин

Тема инициатического преображения вызывает всё больший интерес у всех, так или иначе вовлечённых в осуществление различных эзотерических практик. Хотя она далеко не нова, но в силу своей специфики эта тема не может быть исчерпанной. В её контексте возникает множество вопросов, связанных главным образом с подлинностью инициации, путями её осуществления и аспектами так называемой контринициации. Последняя тема обладает достаточной степенью травматичности для тех, для кого ущербность современного міра стала очевидной.

Действительно, современный мір у любого, кто не потерял хотя бы эстетическое, не говоря уже о религиозном чутье, не может не вызывать отвращения. Банковский вампиризм, ценностный распад и подавляющая всеконтрольность социума омерзительны. Религиозные институты, поражённые ядом коммертизации, экуменическим смешением, раболепием перед власть имущими, практически утратили своё значение. В сложившихся условиях они уже не могут служить инициатическими центрами. Отныне они способны пережёвывать только устаревшие истины и заниматься поверхностной дидактикой. По существу они ориетированы на актуальный мір, в рамках которого и пытаются закрепить свою дезорганизованную паству. В рамках этой дурной актуальности инициация невозможна. Актуальный мір попросту не оставляет для неё пространства. Он не знает потенциальных міров, открывающихся посвящённым, міров, где небо — хрустальное, где цветком можно гильотинировать, а надушенный веер усмиряет дракона, чья спина покрыта магическими знаками. По существу, актуальный мір не знает Чуда, которое всегда тревож-

но и пугает присутствием Иного. Отсюда проистекает желание современного человека спрятаться за ширму раз и навсегда заданной фактичности. Главным образом это касается интеллигенции, продолжающейся цепляться хвостом за ветку «здравого смысла». Эта публика, как известно, изначально труслива. В силу профаничности своего мiровосприятия она озвучивает пространство своих кухонь истерическим воем, поминая «традиционализм», Генона и «контринициацию».

Но, как известно, ничего не может быть дальше от Традиции, чем «традиционализм». Подлинная Традиция вообще ничего не говорит о «контринициации». Она утверждает либо наличие инициации, либо её отсутствие. Любая теория, констатирующая наличие «контринициатической» практики, является порождением дуалистической модели, разделяющей мiр на абстрактное Добро и Зло. В самом деле, если есть добрый «боженька», должен быть и его коварный антипод. Если есть «святое крещение» и аналогичные ему водные процедуры, то должно быть и «раскрещивание». Если есть инициация, то должна быть и «контринициация». Подобная логика результат либо подлинного профанизма, либо явление психиатрического порядка. По сути божественное не предполагает никакой дуальности. Дуальность проявляется в сознании человека. Божественное же включает в себя все потенциальности, являясь носителем не только благостных, но и гневных форм.

Любая адекватная Традиция содержит в себе идею временных циклов. Не секрет и то, что согласно любому традиционному мiропониманию мы находимся в цикле Железного Века, Кали-Юги. В этот период традиционные инициатические практики теряют свою силу. Путь на небо заказан. Сама божественность начинает проявлять разрушительные аспекты. Так называемые религии «правой руки», опирающиеся на обрядовость, соблюдение заповедей, расхожую сотериологию, отныне недействительны. На их смену приходят культы «левой руки», утверждающие парадоксальные инициатические пути, именуемые горе-традиционалистами «контринициацией». Это и рискованный путь мага, облаченного в черноту первозданной ночи. Это и натиск агрессивного фалло-брутализма, смиряющий женское начало. Это и путь берсерков, перегрызающих в трансе оборотничества глотку тем, кто и так уже были обречены. Это путь Революции, опасный, как зыбкий мост, перекинутый над зияющей бездной. Ступая по нему, начинаешь сознавать, что, по сути, нет разницы между Жизнью и Смертью.

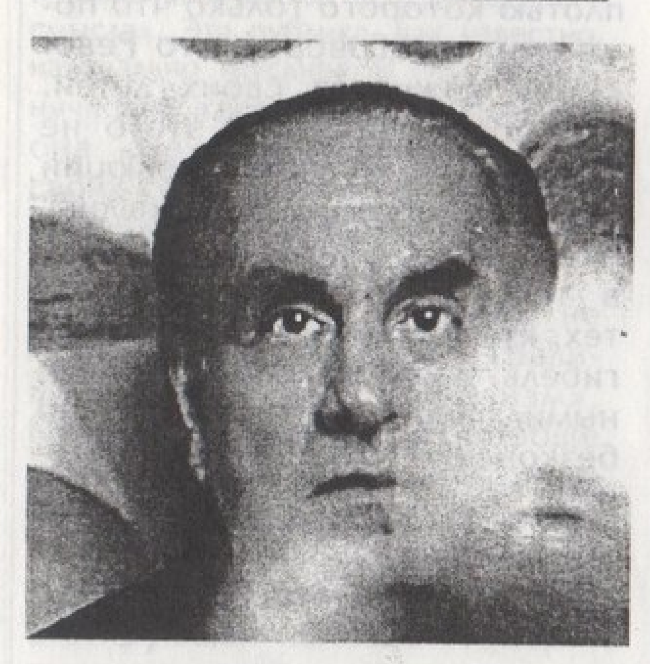
Современный мiр, пропитанный миазмами либерального разложения — вражеская тер-

Современный мір, пропитанный миазмами либерального разложения — вражеская территория. ***Против нас идёт безпощадная война, и выиграть её можно только в том случае, если разрешить себе на территории врага абсолютно всё.*** Но кто-то останавливается, так и не сделав решительного шага. Кто-то действует, и то ли в ужасе, то ли в восторге, спрашивает себя: Неужели я осмелился? Но кто, совершив, не осквернит себя вопросами и расслабляющей рефлексией, тот открывает для себя ослепительные міры — роскошь инициатической мистерии.

На Тибете распространён культ богини Ахамо, своеобразный аналог нашей Бабы Яги. Она изображается в виде исхудавшей старухи, натянувшей на плечи кожу собственного сына, плотью которого только что полакомилась. Говорят, что Революция пожирает своих детей. Это прекрасно. Если этого не происходит, то либо Революции не было, либо дети не пришлись ей по вкусу. Наша добродетель в том, чтобы приветствовать тех, кто придёт и принесёт нам гибель, дабы оказаться достойными своей кровожадной, но безконечно прекрасной Матери.

ФУТУРОЛОГИЯ КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Александр Елисеев

Существуют две, наиболее распространенные, точки зрения на направление хода міровой истории.

Согласно одной из них (она сейчас преобладает), история движется по восходящей линии — от первобытной, «пещерной» дикости ко все новым и новым сияющим высотам цивилизованности. При этом большинство «эволюционистов» (назовем сторонников «восходящей» теории именно так) уверяет, что она счастливо завершится в некоем универсуме, черты которого напоминают христианское «Царство Божие» или языческий «Золотой Век». В этом универсуме сгинут все антагонизмы, уступив место практически безконфликтному существованию «идеального человечества» и некоторые «эволюционисты» уже сегодня провозглашают возникновение такого универсума (ярчайший пример — Ф Фукуяма с его «концом истории»).

Кое-кто считает, что эволюционизм, утверждающий строго линейный характер истории, «вылез» из христианства, став закономерным развитием его оптимистического чаяния Царства Божия. Но в том то и дело — христиане чают именно **небесного** Божьего Царства. Оно не есть следствие воли человека и возникнет именно по воле Божьей. В **царстве** все решается Царем — такова аксиоматика монархического принципа как такового. И это вовсе не означает, что конкретная воля конкретных людей игнорируется царственным «произволом» Бога Единого. Каждый человек проявляют свою волю, демонстрируя степень готовности очутиться в Абсолютном Царстве.

Земная же история, согласно христианству, отнюдь не предполагает завершения в некоем посюстороннем универсуме. Она завершится воцарением Антихриста, после чего произойдет гибель міра, точнее его огненное преображение и интеграция в Царство Небесное. Поэтому у многих возникает соблазн приписать христианству «инволюционизм», представляющий историю как линейный упадок — фатальное торжество нисходящей тенденции.

Нам же представляется, что христианство одинаково далеко от этих двух сугубо детерминистских концепций, по сути дела отрицающих свободу человеческой воли.

Действительно, грехопадение Адама повело человечество по пути инволюции. Она выражалась не только в деградации человеческого общества. Деградировало само земное бы-

тие. По мысли Святых Отцов кардинальному искажению подверглась вся природа, которая приобрела совершенно иной облик, чем тот, которая имела в раю. Знаменитый «Большой взрыв» можно считать неким анти-творением, разорвавшим изначальную небесную землю на сумму отчужденных друг от друга материальных объектов. Этот взрыв сообщил нашей вселенной отношения распада, угасания, вражды (см. великолепную работу еп. Василия Родзянко «Теория распада вселенной и вера Отцов»). Вот почему в христианстве нет такой ностальгии по «Золотому Веку», какую знало язычество. Оно знало о более великом и чудесном времени, времени, существовавшем по ту сторону земной реальности. Да, благая сторона — отпечаток, отсвет Божественного творения — сохранилась, однако, она переплелась с пародийной, сатанинской «концентрационной вселенной». Эта міровая тюрьма не отпускала человека и после смерти — даже праведника. Согласно христианской Традиции, в ад попадали все — не зависимо от греховности или праведности. Исключение составляли лишь очень немногие герои, сумевшие сконцентрировать максимальную, нечеловеческую волю к преодолению. Таким был святой воин-пророк Илия Фесвитянин, взятый живьем на небо. Земля была самой настоящей «заблокированной планетой» (выражение дьякона Андрея Кураева).

Человечество шло в пучину инфернального мрака. Герои изначальных веков, жившие сотни лет, обладающие невероятной волшебной, мифической (язычники наивно видели в них богов) силой уходили с земной арены, а их сменяли более хилые и порочные потомки. Так называемая «писанная история» — лишь маленький отрезок, сумевший сохраниться в выродившейся их памяти. Люди шли на край ночи... Шли, для того, чтобы увидеть Утро.

Этим Утром стал Христос, пришедший (и Церковное учение особенно подчеркивает это) **в последние времена.** Именно тогда, когда должно было все окончиться, все только и началось. И парадокса здесь нет никакого. Христос соделался Новым Адамом, преодолев последствия грехопадения Адама Ветхого и превысив даже его уровень. Таким образом зло было не только побеждено, но побежденным оказалось и состояние, в котором Адам встретил зло. Так же и с историей — начало ее (Золотой Век) стало **концом** надисторического существования Эдема (небесной, райской земли), а ее конец (Железный Век) получил возможность стать своеобразным началом, то есть преодолеть и само историческое начало (ниже мы дадим еше одно обоснование подобного вывода).

Человеческая природа была вырвана из под фатальной деспотии изначального падения, причем Христос не выступил здесь в качестве некоего аватара, натянувшего плоть как оболочку и совершивший исключительно Божественный подвиг спасения. Его явление не было сугубо внешним — красивым, но механистическое явлением. Он — Совершенный Бог и Совершенный Человек — спас міp посредством Божественной и человеческой воль. Человечество, спасенное «сверху», «извне», в то же время спасло себя и изнутри. В космической стене міровой тюрьмы была пробита спасительная брешь и через нее праведники (дохристианские и новозаветные) устремились на небо. Блокада оказалась снята.

С тех пор ход истории стал чудесен и непредсказуем. Человек восстановил свободу воли в полном объеме, и с тех пор никто и ничто не могли предопределить ход исторического развития. Предвидим возражение — а как же воцарение Антихриста, которое станет венцом вселенской деградации, земным еще завершением земной же истории? Безусловно, Антихрист воцарится, но его воцарение на наш взгляд, нельзя рассматривать как завершение некоего единого и практически безпрерывного процесса человеческой деградации. После Христа история человечества представляет собой смену различных периодов, назовем их «эонами», каждый из которых характеризуется преобладанием либо восходящей, либо нисходящей тенденции. «Средневековая» (термин, весьма приблизительно характеризует хронологические границы) цивилизация была первым таким эоном и этот эон характеризуется преобладанием именно восхождения. Вторым, и пока последним, эоном является «Новое и новейшее время» (опять-таки терминология крайне приблизительна), отличающееся торжеством нисходящей тенденции.

Теперь самое время остановиться на более подробной аргументации наших взглядов на мiровой исторический процесс. Могут возразить, что и дохристианская история демонстрирует точно такое же чередование нисходящих и восходящих потоков, что она, в этом плане, ничем не отличается от христианской.

Прежде всего, снова обратим внимание на то следующий факт — нам известна лишь самая небольшая часть истории человечества. История ничего не знает о великих цивилизациях Гипербореи, Атлантиды, Лемурии, изначальной Арианы (можно предположить, что о некоторых древних сообществах она не знает вообще) — они являются достоянием исключительно мифологии, причем ее данные весьма скудны и противоречивы. (Можно предположить, что именно деградация этих цивилизаций и стала причиной отсутствия их фиксированной, видимой, «писаной» истории.)

Но даже и о «видимой», «написанной» истории мы знаем чрезвычайно мало, причем зачастую наши наблюдения учитывают видение лишь одной из сторон. Так, по дохристианской истории арийских народов мы судим, основываясь преимущественно на античным источниках, дающих довольно предвзятую оценку т. н. «варваров».

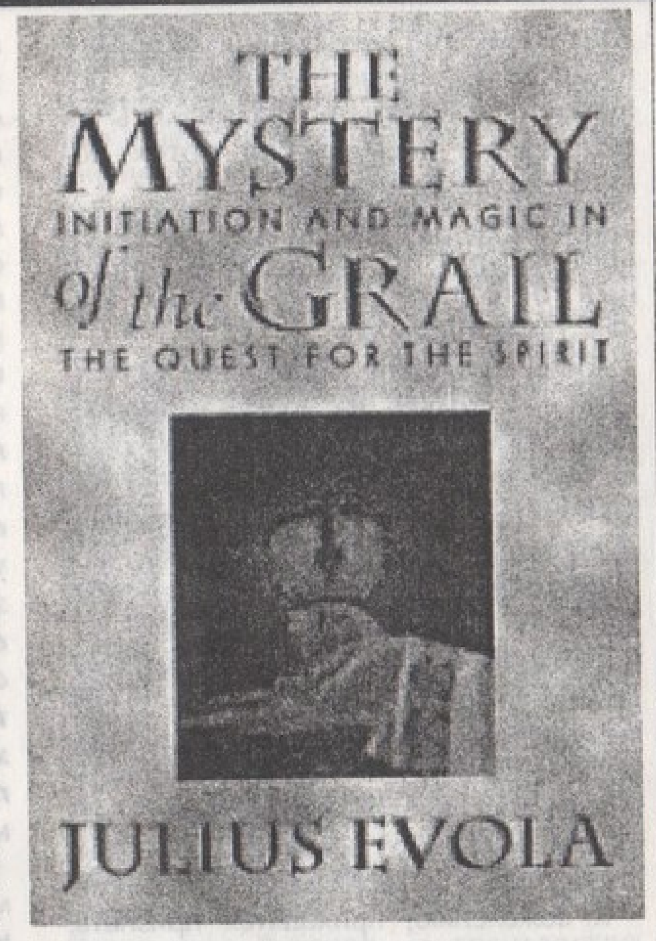
Посему за образец нами воспринимается то, что было весьма далеко от образца и даже представляло собой продукт линейной деградации. Лучшее из лучших языческих государств, Великий Рим, был, как это ни печально признавать, прообразом нынешнего капитализма. Многие историки Древнего Мiра (например, замечательный русский ученый М. Ростовцев) обращали и обращают внимание на то, что рабовладение вовсе не было единственным и даже господствующим способом производством. По их подсчетом до трети всей рабочей силы в античных обществах составляли наемные работники. Они приводят многочисленные параллели между античностью и новейшим капитализмом, например, кризис греческих полисов 4 в. до жути напоминает современные кризисы перепроизводства. Не случайно и то, что именно Греция считается родиной демократии, да и в Риме республиканско-демократические традиции были чрезвычайно сильны (любопытно —

монархическое начало утверждается в Римской Империи с 1 в. н. э., т. е. с века Христа, и уже в христианскую пору там начинает утверждаться феодализм). Античность представляла собой древний капитализм, основанный, прежде всего, на частной собственности и наемном труде. Рабы же использовались наподобие нашей техники, что вполне вписывалось в античные представления об их природе: как известно, тогда рабов не считали людьми — в самом прямом смысле.

Что же до древних азиатских деспотий, характеризуюших абсолютным доминированием государственного хозяйства, уравнительным распределением и мощнейшей жреческой идеократией, то их можно с полной уверенностью охарактеризовать как прообраз деспотий коммунистических. И в этом плане особо пикантно выглядит противостояние античного Запада и «персидско-вавилонского» Востока. Как уже было сказано — линейность истории есть выдумка, и ничего абсолютно нового в ней нет.

Конечно, мы далеки от мысли просто ставить знак равенства между античным капитализмом и нынешним — торгашеско-космополитическим. Первый был гораздо ближе к Традиции. Но он выигрывает лишь по сравнению с современностью и большинством современных ему сообществ[1].

Возникновение христианского Средневековья стало грандиозным прорывом к утерянному небесно-райскому Архетипу. Был сделан скачок — но не столько назад, к «Золотому веку», сколько «наверх» — к покинутому небесному Отечеству. Впервые **восходящая** тенденция стала преобладать — и не как нечто сиюминутное, не как краткосрочное,

хотя и яркое, героическое деяние, но как двухтысячелетний (от пришествия Христа до крушения Российской Империи) — истинный Рим, сверх-Империя, солнечная полярно-райская ойкумена — целый міръ, зародившийся в ветхом міре, лежашем во зле.

История («мифическая» и «видимая») знала примеры героических, традиционных реставраций, но они всегда были отвоеванием лишь части завоеванного врагом. Гибель древнейшей Гипербореи завершилась основанием Атлантиды, но она, даже и в период расцвета, была гораздо ниже изначальной Империи Севера. Погрязшей в черномагическом безумии, дегенерировавшей Атлантиде себя противопоставила Ариана, Индоевропа, воскресившая северный дух Гипербореи. Но и она, в огромном количестве случаев, проигрывала

Атлантиде. Ход деградации ускорялся и многочисленные героические попытки преодолеть ее натыкались на мошнейший космический поток послеадамова Фатума.

Но средневековое христианство дало первый по-настоящему победный бой дьяволократическим силам тьмы века сего.

Силы Традиции проиграли, естественно — только на зримо-эмпирическом уровне. Нынешний «эон», одно из омерзительнейших порождений Кали-Юги, характеризуется нарастающей нисходящей тенденцией. Однако, можем ли мы говорить, что на смену нынешнему «эону» не может придти новый, что свободная воля человека, купленная самой дорогой ценой — смертью Господа нашего — фатально порабощена вселенской тьмой? Что невозможна консервативная революция, несущая смерть міру вселенской наживы, абсолютного материального интереса?

К сожалению, приходится признать, что сознание большинства традиционалистов склоняется именно к этому. Похоже большинство их уверено, что Конец наступит уже завтра, что активное противодействие антихристовым силам невозможно. Ярчайший образец подобного «христианского» исторического пессимизма дает работа А. Кураева «Сатанизм для интеллигенции (О Рерихах и Православии)», точнее один из ее разделов, озаглавленный весьма характерно — «О нашем поражении». Здесь почтенный православный публицист призывает не особенно-то и грустить по поводу скорого конца света — ведь за ним грядет Царство Небесное. Но ведь оно придет так и этак, а сколько христианских душ, да и тел, можно спасти, предотвратив приход Антихриста и гибель міра — на нынешнем историческом этапе? Да, в таком подходе, как в зеркале, отражается подход всего церковного руководства — сектантский, по сути. Похоже наших пастырей вполне устраивает малочисленность их «малого стада», с которым она и намерена спасаться. Десятки миллионов единоверцев и соплеменников их волнуют «постольку поскольку» — иначе она, несомненно, развернула бы широкомасштабную кампанию действительного Сопротивления — в том числе и политического. Однако, послушаем дьякона Кураева: ***«Призывы к политическому сопротивлению и сегодня почти безполезны. Политический опыт у врагов Церкви явно больше, чем у ее иерархов.»*** Оказывается ***«в плане земной истории христианство проиграет хотя бы потому, что в соревновании с ТВ Церковь не может не проиграть (а такого массированного напора антихристианских сил, как сегодня, ТВ не проводило ни в хрушевские, ни в брежневские времена.)»***

Удивительно, что многоуважаемый г-н Кураев, человек, который несомненно является искренне верующим православным христианином, не берет в расчет такого, извините за терминологию, «фактора», как Господь Бог. Неужели действительно честное и пламенное желание бороться, сопряженное с желанием учиться политическому опыту врагов, не будет поддержано сверху — нашим самым верховным сюзереном? Неужели благодать безсильна помочь воинам Христовым против именно «политических врагов», против СМИ? И, в конце концов, сумела же РПЦ довольно успешно освоить опыт своих врагов в плане налаживания коммерческой деятельности — почему бы не преуспеть и на политической стезе (кстати, в борьбе против слуг Антихристов весьма пригодились бы миллиончики, накопленные на сигаретках и т. д.)?

В оправдание своему пораженчеству, Кураев лепит некий образ: ***«Когда-то мне не давал покоя вопрос: почему история кончается... Потом я увидел: история нужна, пока у человека есть свобода. Когда свобода последнего выбора отнимается — створки истории схлопываются. Движение невозможно. Так равнинная река сама на излучине может намыть плотину: сначала в этой излучине затонет несколько бревен, к ним будет прибивать ил и песок. Появится отмель, затем — коса. А затем возможно и появление плотины. И нужно будет промывать другое русло. Так и река истории. Поколение за поколением оставляет все больше грязи в ее русле. И небо становится все дальше».*** Вот любопытный взгляд православного человека на **свою же собственную** историю! Свою, потому, что мiровая история, есть, в том числе, и история православия — православного исповедничества, православной государственности и т. д. Выходит засорение имело место быть, а прочишение? Накапливалась, выходит, одна только грязь, а как же святость, героизм, мученичество? Воистину, после розового оптимизма либерал-прогрессистов, самым нелепым по праву может считаться мрачный пессимизм наших горе-охранителей!

Нынешний «эон» либерального капитализма подходит к концу. Это может быть конец всего мiра, но может быть и началом нового «эона», нового Средневековья. Все зависит от того, как мы ответим на вызов времени, как встретим очередной кульбит Истории. Антихрист может придти уже завтра, но он может удерживаться еще многие сотни лет. Некогда будет сделан неверный выбор, но когда это будет — неизвестно.[2]

Вообше, вопрос о пришествии Антихриста решается не столь однозначно, как кажется. Существуют разные предсказания на сей счет. По мнению большинства, «сын погибели» и в самом деле станет повелителем земли. Но и есть и те, кто допускают сосуществование царства (точнее анти-царства) Антихриста и противостоящей ему священной Империи. Так, преп. Лаврентий Черниговский утверждал: ***«При антихристе будет Россия самое мощное царство в мiре... Русского Православного Царя будет бояться сам антихрист».*** Весьма возможно (хотя мы и не делаем однозначного утверждения), что правы и те, и другие. То есть именно от свободной человеческой воли зависит — **как** придет лже-мессия и какие формы примет его тирания. Иными словами — финал человеческой истории во многом зависит от самих людей. В случае, если в самом конце возникнет самое мошное в мiре — Священное Русское — государство, то можно считать, что история завершилась триумфом (несмотря на наличие антихриста).

Христианство вовсе не вгоняет историю в жесткие рамки различных детерминизмов. Это — самая свободная вера, утверждающая величие человеческой личности в наибольшей мере. Не индивидуума, обезличенной единицы буржуазного рынка с ее комариными «правами» набить желудок поплотнее, а именно **личности**, образа и подобия Божия, обладающего действительно Богоподобной волей героически преодолевать все эти «объективные и космические закономерности».

Но коль скоро христианство не предписывает истории катиться вниз, то почему бы не предположить возможность возникновения такого со-

общества людей, которое эта самая история еще и не видывала? Почему бы не предположить, что и сегодня возможна тотальная консервативная революция, чреватая рождением века, еще более близкого к Традиции, чем Век Золотой? Зададимся и еще одним вопросом — а исчерпан ли чудесный дар Христов в плане улучшения человеческой природы?

Поясним свою мысль. Социальное является наиважнейшей частью всего человеческого существования. В социуме биологическое («животное») соединяется с духовным («ангельским»). Подобно тому, как человек, не будучи только духом или материей, подобен Богу (не материальному, и не духовному Существу), так же и социум представляет собой среду, максимально уподобленную Абсолюту. Обратим внимание на то, что традиционные общества не являлись некими безликими конгломератами, выдумывающими себе фетиш «демократии», «нации» или «родины» (в данном случае имеются ввиду механистические представления о нации и родине). Они персонифицировались в фигуре Монарха, считавшегося образом, иконой и наместником Христа. Тем самым богоподобность социума утверждалась полнее всего.

Старые мифы знают о временах волшебного могущества, о древних, живших несколько сот лет и обладающих иным, более духовным строением тела, о гигантах и богатырях. Любопытно, что мифология часто подчеркивает именно «биологический» аспект, изображая героев и даже богов, во многом, как могущественные организмы. Мифы знают также об искуснейших магах и колдунах, о тех, кто был способен преображать реальность силой духа. И менее всего мифология знает о политическом и социальном. Но может быть главные возможности человеческой реализации лежат именно в социальной сфере, может именно в ней лежат истоки и «магической», и биологической моши?

На наш взгляд, наиболее полной реализацией человеческого (а человек есть центральный «момент» всего творения) в **этом** міре, **в этой** вселенной следует считать Государство, являющееся некоей квинтэссенцией социума. Мы вовсе не собираемся сводить Государство именно к аппарату государственного управления, оно представляет собой сложнейшую и многомерную реальность. Если хотите, это народ, нация (иными словами этнически конкретизированный социум), взятый как политическая организация. Политика же есть контрольное и регулятивное начало социума, его направляющий центр. А у этого центра есть свой центр — власть. Опять-таки, если рассуждать о традиционных обществах, то данные центры стягиваются и персонифицируются в Монархе, который придает абстрактным механизмам и категориям личностное наполнение. Не нужно, кстати, забывать о том, что само слово «государство» имеет один корень со словом «государь».

Всматриваясь в историю христианства, мы обнаружим интереснейший факт, практически остающийся без внимания наблюдателей. Равноапостольными святыми, т. е. святыми равными апостолам — высшей «иерархии» в христианской праведности — являются именно государственные деятели — князья, короли, цари, императоры. Благодаря им и была осуществлена всеевропейская христианская консервативная революция, давшая начало новой ойкумене — ойку-

мене Христа. Самая последняя, запредельная реальность единства Бога и творения именуется **Царством** Божиим, а Христос — священником по чину Мельхиседекову — **Царскому** чину. Тут более чем значимый символизм — Государство оказывается первейшим и важнейшим «отражением» Божества на земле.

Кому-то все это может показаться принижением сакрального до уровня мiрского. В пример сразу же станут приводить **нынешнее** социальное и **нынешнее** политическое, справедливо указывая на их профанический характер. Однако в том то и дело, что «современный» социум (и эту «современность» мы тянем, как минимум, со времен «Великой» французской революции) строго подчинен экономике.

Но что есть экономика? Если вдуматься, то мы увидим, что она представляет собой некий сектор социума, который ближе всего находится к биологии, к животному началу. Хозяйственная деятельность теснее других видов социальной деятельности связана с потреблением, как воспроизводством человеческой плоти. И если вспомнить знаменитое определение: «Человек есть то, что он ест», можно осознать биологизм экономики в полной мере.

Современное общество превратило экономику из периферийного, по сути, сектора в собственный центр, и, напротив, отбросило истинный центр — политику — на периферию. Посему все социальные и политические термины воспринимаются, как материалистические и современные, тогда как на самом деле настоящая социальность и настоящая политика не имеют со своими нынешними «преемниками» ничего общего.[3]

Признав, что ход истории после Христа чудесен и непредсказуем, мы обязаны предположить, что именно такая, настоящая социальность может реализовать себя в полной мере, что может возникнуть Империя, **которой еще и не было**, общество, **которого еще и не существовало.**

Нас сейчас могут упрекнуть в утопизме, в очередном призыве к абсолютному, идеальному и гармоничному сообществу людей. Но мы вовсе не взываем к земному идеалу. Идеал на земле, в этой вселенной, пусть и открытой Христом для Бога, но все равно пораженной последствиями грехопадения, невозможен. Он придет лишь в Царствии Небесном. Здесь возможно лишь максимальное, предельное приближение к Идеалу.

Однако, кто сказал, что невиданный еще социум будет безконфликтным «земным раем» утопистов? Напротив, он может столкнуться (и столкнется, в случае своего возникновения) с величайшими, и, опять-таки, невиданными еще проблемами и конфликтами — внутренними и внешними. Наше бытие конфликтно и мы не сможем «снять» самого своего бытия. Но мы можем преодолевать и преодолевать конфликтность, переходя от одних ее видов к другим, вспыхивая яркими вспышками победы и затухая для новых побед или же — поражений. Здесь можно привести в сравнение образ корабля, плывущего по штормовому морю. Волны вздымают его и опускают, он взлетает к небесам и опускается вниз — но все равно плывет. И при всем при том он может затонуть в любом момент. В таком плавании важна даже не земная цель (мореплавателей, в первую очередь, вдохновляет цель небесная), а само преодоление земных стихий во славу Господню. Ценно проявление воли плыть, покоряя бушующую стихию.

Традиционный идеал не может и не должен определяться космизмом, который стремится к некоей теургической перестройке земного бытия и самочинному превращению его в универсум, в идеальную сверх-реальность (особенно сильно такие упования заметны в творчестве Н. Федорова и В. Соловьева). Как Бог уважает свободу воли человека, так и мы должны уважать свободу воли Бога. Самочинное обожение человечества и всего міра (самообожение) невозможно, и без просветляющего, огненного Божественного действа мы не увидим «нового неба и новой земли». Посему нам остается действовать в отведенном нам уделе. Но, поверьте, нам отведено не так уж и мало.

Возможно и не будет ничего. Не будет, и уже завтра хищная лапа антихриста схватит ополоумевшее человечество за горло. Но в любом случае — воины Традиции не должны покоряться безликой Судьбе — хорошей или плохой. ***«Судьбы они не знают»,*** — писал о наших пращурах славяно-ариях византиец Прокопий Кесарийский, и нам не след уступать нашим предкам. Жизнь и смерть — одинаково возможны, победа и поражение — не предопределены. Верить надо в волю, в саму возможность побеждать целый мір подобно тому, как его победил Христос — Совершенный Бог и Совершенный Человек.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Нам мало известно о духовно-политическом и социально-экономическом устройстве великой Скифской Империи, бывшей по нашему мнению мощной славянской державой, включавшей в свой состав значительное количество северных иранцев-саков (Елисеев А. // Славянская империя скифов; Монархическое начало в дохристианской Руси). Есть, впрочем, достаточное оснований считать, что она представляла собой сильное монархическое государство, отличное, в то же время, от азиатских деспотий. История Скифии скрыта от нас — аутентичные источники, по ряду причин, отсутствуют, а античные старательно замалчивают роль северных «варваров» — опасных партнеров в геополитической «игре». Но показательно, что Скифия гибнет в 3 в. до. н. э. — в конце дохристианского периода. Восстановление же ее, как Киевской Руси (Скуфи Киевской) начинается во 2 в. н. э., практически сразу же после проповеди Св. Андрея Первозванного, крестившего горы Киевские.

2. Утверждая главенствующее значение человеческой воли для судеб конкретного человека и целых человеческих сообществ, мы вовсе не принижаем значение воли Божественной. Как во Христе действовали обе воли, так и в человечестве, живущем после Христа, они соединяются чудеснейшим образом — без повреждения одной из них. Бог, выражаясь грубо, сильнее человека безмерно, но он и настолько силен, чтобы при этом человек определял сам (вернее со-определял) собственную судьбу. Здесь тончайшая, недоступная обычному разуму тайна, которую нельзя открыть путем логических рассуждений, но к которой можно только приблизиться.

3. Существует и еше один аналогичный периферийный центр. Но только разговор в данном случае должен идти о «высшей периферии». Мы имеем ввиду аскезу, взятую не только как умерщвление плоти во имя достижения неких высших, внеземных уровней, но и мистическую практику радикальной самоизоляции человека в міре сем. Тогда как экономика ближе всего к животному, то аскеза ближе к ангельскому (истинных монахов именуют «земными ангелами»).

ЧЁРНЫЕ ГВОЗДИ В РЁБРА АНТИХРИСТУ

Р.Бычков

«Белогвардейцы! Белые звёзды!
С неба не выскрести!
Белогвардейцы! Чёрные гвозди
В рёбра Антихристу!»

(М.И.Цветаева, «Лебединый стан»)

Место и роль орденов христианских в наступившие предконечные времена требуют, по нашему суждению, некоторого особого изъяснения.

Сначала — об орденском прошлом. В разделе «Средние века» своих «Лекций по философии истории» Г.В.Ф.Гегель находит сказать несколько добрых слов о сем предмете. Он, в частности, пишет: «…Стремление к чистоте духа обнаруживалось и в духовных ***рыцарских орденах***. Уже было упомянуто о своеобразном рыцарском духе, который развился в Испании благодаря борьбе с сарацинами; тот же самый дух распространился благодаря крестовым походам по всей Европе. Дикая отвага грабителей, удовлетворённая и усиленная владением, ограниченная взаимными притязаниями, прояснилась благодаря религии и затем воспламенилась благодаря созерцанию безконечного благородства восточной храбрости. Ведь и христианство содержит в себе момент безконечной абстракции и свободы в себе, и поэтому восточно-рыцарский дух нашёл отзвук в западных сердцах, и благодаря этому развилась более благородная добродетель. Были основаны подобно монашеским орденам духовные рыцарские ордена. Для их членов было обязательно такое же монашеское самоотвержение, отказ от всего мірского. Но в то же время они брали на себя зашиту пилигримов: итак, их долгом прежде всего являлась рыцарская храбрость; наконец они были обязаны заботиться о бедных и ухаживать за больными. Рыцарские ордена разделялись на следующие: на орден иоаннитов, на орден тамплиеров и на тевтонский орден. Эти ассоциации существенно отличались от эгоистического принципа феодализма. С почти самоубийственной храбростью рыцари жертвовали собой ради общего блага. Таким образом, эти ордена выходят из рамок существующего строя и образуют сеть братских союзов по всей Европе. Но и эти рыцари опустились до обыденных интересов, и впоследствии их ордена стали главным образом учреждениями, заботившимися о призрении дворянства вообще. Орден тамплиеров даже обвинили в том, что он придумал для себя особую религию и под влиянием восточного духа отрицал Христа в своём вероучении».

Воспроизведя сию характеристику минувшего и прежде чем перейти к рассуждениям о дне грядущем, остановимся ещё на какое-то время для характеристики ситуации сегодняшнего дня. Характеристика сия обретается в известных словах св. апостола Павла: ***«В последния дни настанут времена люта. Будут бо человецы самолюбцы, сребролюбцы, величавы, горди, хульницы, родителем противящиися, неблагодарни, неправедни, нелюбовни, непримирительни, клеветницы, невоздержницы, некротцы, неблаголюбцы, предателе, нагли, напыщени, сластолюбцы паче, нежели Боголюбцы, имущии образ благочестия, силы же его отвергшиися» (2 Тим. 3,1-5)***. В качестве своего рода комментария к апостольским словам используем суждения Ю.Эволы из работы последнего «Оседлать тигра». «Для символического выражения того сложного процесса, который привёл к современному кризису морали и міровоззрения, наиболее удачной формулой остаются слова Ницше: "Бог умер"» <…> "Смерть Бога" это образ, характеризующий целый исторический процесс. Он выражает «неверие, ставшее повседневной реальностью», ту десакрализацию существования, тот полный разрыв с міром Традиции, которые, начавшись на Западе в эпоху Ренессанса и гуманизма, в современном человечестве всё более принимают окончательный, очевидный и необратимый характер. Это состояние дел не менее реально и для тех сфер существования, где оно ещё не проявилось с той же отчётливостью, благодаря режиму масок и заменителей «Бога, который умер»»... Выводы Ю.Эволы дополняет Мартин Хайдеггер, в своей книге «Ницше» заключивший: «Слова "Бог мёртв"» — это не атеистический тезис, а глубинный событийный опыт западной истории».

«Теперь необходимо отметить,— продолжает Эвола,— что существует определённое идейное движение с соответствующей «историографией», которому свойственно подавать этот процесс или, как минимум его начальные фазы, как нечто положительное, как некое завоевание. Это — другая грань современного нигилизма, подоплёкой которого служит своеобразная невысказанная «эйфория потерпевшего кораблекрушение». Известно, что начиная с века Просвещения и либерализма вплоть до имманентного историзма, поначалу «идеалистического», а затем материалистического и марксистского, эти фазы распада толковались и воспевались как стадии освобождения и нового самоутверждения человека, как прогресс духа, как истинный «гуманизм». Чуть позже мы покажем насколько тематика Ницше (в её неудачных аспектах), относящаяся к периоду постнигилизма, пропитана подобным мышлением. Сейчас же, следует уточнить следующий момент.

Никакой Бог никогда не связывал человека; божественный деспотизм является лишь фантастической выдумкой, но, именно ему, по мнению мыслителей эпохи Просвещения, мір Традиции был обязан своим устройством, данным ему свыше и устремлённым к міру горнему, своей иерархической системой, разнообразными формами законной власти и священного владычества. В противоположность этому мнению, весь строй традиционного міра имел своё подлинное основание в особом внутреннем складе, познавательных способностях и различных интересах, присущих тому человеческому типу, который почти окончательно исчез в наше время. Некогда человек пожелал «освободиться» и ему было позволено сделать это. Ему даже позволили разорвать те узы, которые скорее поддерживали его, нежели меша-

ли ему; а затем ему предоставили возможность «насладиться» всеми последствиями своего освобождения, связанными неразрывной цепью, вплоть до того последнего, которое привело к современному положению дел, к міру, в котором «Бог мёртв» (Бернанос говорит: «Бог ушёл на покой») и жизнь превратилась в царство абсурда, где всё возможно и всё дозволено. Единственной действенной движущей силой этого міра стало то, что на Дальнем Востоке называют законом действий и противодействий, объективно совпадающий «по ту сторону добра и зла», «по ту сторону всех мелких моралей».

Итог сей характеристике современного міра кратко подводит Евангелие, полувопрошая-полуутверждая: ***«Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» (Лк. 18,8)***. Это изречение указывает на «онтологический разрыв: все реальные связи с трансцендентностью исчезли из человеческой жизни. В этом факте в потенции уже заложено всё дальнейшее развитие нигилизма» (Ю.Эвола). Конечный вывод, к которому приходит Эвола в работе «Оседлать тигра», может быть сформулирован приблизительно следующим образом: у «обособленных людей» (так, напомним, именует адресат своей книги мыслитель-традиционалист), внутренне принадлежащих міру Традиции, но вынужденных терпеть «заброшенность» в десакрализованные условия современного міра, остаётся только один выход — ***«фронт катакомб»***, попытка преобразовать яд в лекарство, попытка «оседлать тигра» путём личного неприятия всего окружающего извращённого бытия. Примечательно, что разбираемую нами работу один из последователей—«эволаистов» (Ф.Байе) кратко и точно охарактеризовал, как «путеводитель для благородного существа в міре, где нечего больше защищать».

Следует уточнить и ещё один необычайно важный, на наш взгляд, момент. Существует (помимо указанных и неуказанных здесь трудов Ю.Эволы) обширная традиционалистская критика Ренессанса, справедливо порицающая сию эпоху за антропоцентризм (переходяший в антрополатрию), за десакрализацию существования, за то, что именно тогда было положено начало полному разрыву с міром Традиции. Одной из основных мишеней означенной критики является «гуманизм». Нам представляется, однако, что не всё с пресловутым ренессансным «гуманизмом» обстоит так просто. Ибо существуют обстоятельства, позволяющие (хотя бы отчасти) «оправдать» пред очами Традиции сию бурную и неоднозначную эпоху. Нам знаком только лишь один из возможных результатов, произросших из т.наз. «ренессансного гуманизма» — многократно помянутый нами ранее «современный мір» (мір, в котором «Бог мёртв» и в котором нечего больше защищать). Но (пусть это были лишь нераскрытые потенции) в феномене ренессансного «гуманизма» можно усмотреть и иной смысл, позволяющий (при определённых условиях) получить результат, принципиально отличающийся от отвратительного «современного міра».

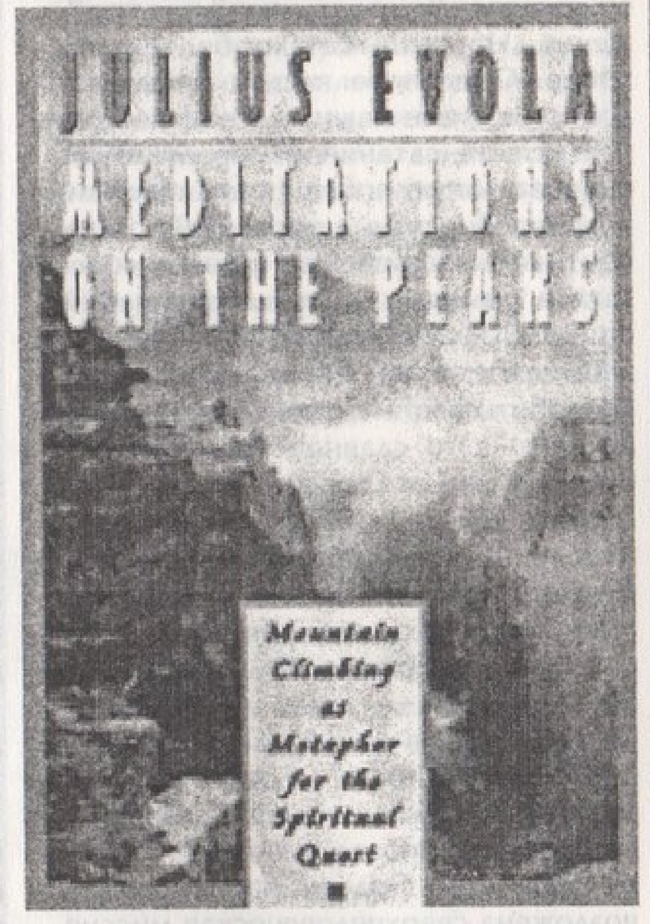
Прежде чем попытаться посильно расшифровать сделанные только что «намёки», надлежит уделить некое место решению вопроса: как должно мыслить казус «человека» с точки зрения Традиции. Что же, в конце концов, велик или ничтожен человек? Хорошо известно, какую роль играла во всех ренессансных проявлениях герметическая традиция. Посмотрим, вначале, как она отвечает на поставленный нами вопрос. В одном из основных трактатов «Герметического

свода» на сей счёт можно прочесть следующее: «Великое чудо есть человек, существо, достойное почитания и прославления. Ибо он переходит в божественную природу, как будто и сам есть бог; он знается с демонами, ведая, что одного с ними происхождения; он пренебрегает в самом себе тем, что составляет человеческую сторону его природы, целиком полагаясь на божественность другой стороны своей природы. О, сколь счастливо соразмерена природа человека! Божественностью, сродственной богам, он соединён с ними; ту же часть себя, которая делает его земным, он презирает в самом себе <...> взоры свои он устремляет на небо» (Асклепий, 6). Обратившись вослед сказанному к нашему Священному Писанию, мы увидим, что там проводится в высшей степени сходственный с вышеприведённым взгляд на то, ***что*** есть человек. ***«Что есть человек, яко помниши его? Или сын человечь, яко посещаеши его? Умалил еси его малым чим от ангел, славою и честию венчал еси его. И поставил еси его над делы руку Твоею, вся покорил еси под нозе его» (Пс. 8,5-7)***. Итак, человек даже и в нынешнем грехопадшем состоянии своём одновременно и велик, и ничтожен. Велик или ничтожен в соответствии с тем, какая часть его природы — сродственная небожителям или же та, что делает его земным — преобладает в нём. Соответственно, понятие «гуманизм» само по себе ещё не говорит ни о чём. Всегда необходимо пояснение, ***какого именно человека*** имеет в виду данный «гуманизм» — человека высшего типа или человека низшего типа.

Начиная с века Просвещения и далее до либерализма, марксизма и глобализма однозначно преобладает эгалитарный гуманизм, ориентированный на человека низшего типа. Между тем как отчасти защищаемый нами Ренессанс ориентировался по большей части на то, что используя терминологию Ницше можно было бы назвать ***сверхчеловеческим гуманизмом***. Наш «гуманизм» заинтересован не в «человеке вообще», но только и единственно лишь в «благородных существах», избравших для себя стезю защиты Традиции в агрессивно антитрадиционном міре и, соответственно, бунт и войну против этого міра. Их-то Юлиус Эвола назвал «обособленными людьми». Про них говорил Ницше: «всегда должно сильных защищать от слабых». «Традиция — это красота, которую мы оберегаем, а не оковы, которые нас удерживают» (Э.Паунд).

Мы подобрались мало-помалу к ключевому звену, в коем изложенные доктрины европейских традиционалистов вплотную смыкаются с нашей православной опричной эсхатологией, в коей «человеческий (а точнее — сверхчеловеческий) фактор» в каком-то смысле, действительно, централен. Дело в том, что как подмечено было некогда толковниками церковными, ***«змий великий, змий древний, нарицаемый диавол, и сатана, льстяй вселенную всю» (Апок. 12,9)*** имеет свою как бы «биографию», свою «историю». История сия есть не что иное, как одно продолжительное ***падение***, низвержение с высших небесных сфер всё в большую и большую бездну. Но падение сие, по мнению некоторых толкователей, подлежит разделению на четыре акта. «До пришествия Христова диавол имел ещё некоторую власть не только на земле, но и на небе; сила его не была ещё сокрушена, потому что для победы над ним ветхозаветное царство Божие не имело достаточных средств. Пер-

вым пришествием Господа сатана прогнан с неба, но до второго пришествия Христова он имеет ещё поприщем своей деятельности землю; потом обольститель связывается и низвергается с земли в бездну (Апок. 20, 1-3), как некогда был свергнут с неба на землю. Затем, после кратковременного освобождения из бездны, он получит окончательный, решительный суд и ввергнется уже в геенну огненную, из которой никогда не может освободиться. Это составляет четвёртый период его совершенного изгнания и заключения навсегда в бездну. Какой длинный ряд изгнания! И при этом последнем, окончательном изгнании сатана, бывший прежде первейшим из всех девяти Чинов ангельских, светоносец, низводится за свою гордость на такую степень унижения, что даже не удостаивается быть призванным на суд Самим Господом. Для наказания его и унижения его гордыни назначаются служебные духи, при каждом новом изгнании всё менее и менее могущественные. Архангел Михаил изгоняет сатану с неба, но ввергает его в бездну уже простой Ангел, а когда он ввергается в геенну огненную, то исполнитель правосудия Божия даже не назван по имени» (см.: «О последних событиях имеющих совершиться в конце міра». Оптина пустынь, 1905). Сей исполнитель Божественного приговора и есть некоторым образом «сверхчеловек», мало чем умаленный от Ангелов, ***царский опричник*** (именно так, на православно-русский лад, всего вернее перелагается понятие «обособленный человек»), имеющий по дивному смотрению Божию вступить в последнюю битву с сатаной и руководимым им антихристом.

Один из самых интересных опытов толкования Апокалипсиса у нас на Руси в XX веке был составлен Л.А.Тихомировым, бывшим террористом-народовольцем, обратившимся к Православной вере и монархическим убеждениям, но сохранившим темперамент истинного революционера. Работа сия, писавшаяся в 1919-20 гг., и озаглавленная «В последние дни (эсхатологическая фантазия)» напечатана впервые сравнительно недавно (в сб.: Христианство и политика. М., 1999). Быть может, наиболее важным в ней является то, что Тихомиров постулирует необходимость и обязательность для христиан последних времён, обьединённых в своего рода «фронт катакомб» (в коем даже иезуитам нашлось приличествующее место), партизанской ***вооружённой борьбы с Антихристом***. Тихомиров

ярко живописует ряд побед и поражений «фронта катакомб» в этой войне. Описанное весьма правдоподобно, ибо все наши частные победы над «силой сатаниной» предуказуют окончательную победу над диаволом, а все наши частные поражения помогают нам избавиться от последних остатков тления, содержащихся в нашей природе и делающих нас земными, дабы чрез такое «горнило очищения» сподобиться стать способными к облечению в то славное нетление, что обещано нам от Господа нашего.

Здесь преднамечено исчерпание и исполнение как истории низвержения сатаны, так и истории служения духовно-военных орденов христианских. «Фронт катакомб», «сверхчеловеческий отряд», «стан лебединый с когтями орлов», «чёрные гвозди в рёбра Антихристу» — суть прообразовательные именования «славою и честью венчанного» эсхатологического Опричного Ордена, на чьи рамена возложена сверхчеловеческая миссия меченосной Реставрации Интегральной Традиции в міре, где «умер Бог». «Смерть Бога», как правильно сказано было выше, это образ, характеризующий целый исторический процесс («неверие, ставшее повседневной реальностью», десакрализацию существования, исчезновение связи с трансцендентностью и т.п.). Но для рыцарей нашего Опричного Ордена выражение «смерть Бога» не есть только сумма негативных характеристик эпохи «постнигилизма». Тот, за Кого они идут умирать, Сам умер прежде за них. И Тот, Кто за них умер и воскрес, может и их воскресить и, воскресив, даровать жизнь вечную.

Напоследок выскажем, что наилучшей эпитафией, для поминаемого нами итальянского собрата по касте «обособленных людей», со стороны русского приверженца героического традиционализма — будет реальное «оседлание тигра». Будет — наступая на аспида и василиска и попирая льва и змия (Пс. 90,13) — ***вонзить*** все наши чёрные опричные гвозди в рёбра Антихристу.

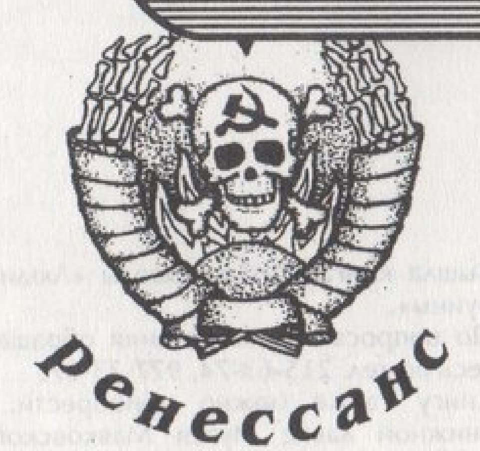

Виктория Владимировна Ванюшкина. *Переводчик и публицист. На протяжение многих лет сотрудничает с различными изданиями; ее статьи и переводы печатались в газетах «Философская газета», «Царский Опричник», «Эра России», «Штурмовик», журналах «ИНАЧЕ», «Волшебная гора», «Нация», «Наследие предков», «Атака».*
В настоящее время является членом редколлегии газеты «Правое сопротивление».

Р.В. Бычков

Введение в философию бунта

св.

Опричное братство
св. прп. Иосифа Волоцкого
2002

Анатолий Макеев

ОПРИЧНЫЙ ПУТЬ

Альфа и Омега русского самодержавия

Волоцкого

я церковь

СКИЙ

СБОРНИК
материалов к житию
св. Царя-мученика Павла I

МОСКВА
2002

ИЗДАНИЯ ОПРИЧНОГО БРАТСТВА

При Опричном Братстве св. прп. Иосифа Волоцкого создана и приступала к работе секция оптово-розничной книготорговли национально-православной литературой.

Помимо книг предлагается широкий выбор газет (в том числе региональных) патриотического направления.

Первоначальный список изданий будет постоянно расширяться.

Заказы отправлять по адресу:
123592, Москва, А/Я 54,
Терехову Дмитрию Юрьевичу.

ПРАВЫЙ ФРОНТ ИСКУССТВ
Опричное братство св. прп. Иосифа Волоцкого
2001
Бритоглавая Русь

Опричное братство
св. прп. Иосифа Волоцкого
2001
Роман Лебедев
РУССКИЙ МОНАРХИЗМ
И
ИДЕОЛОГИЯ ФАШИЗМА
на примере взглядов
Л.А. Тихомирова
2002

Издание братства Св. Прп. Иосифа Волоцкаго
Адрес для писем: Москва, 109518, а.я 10 Макееву А. М. Представительство
Опричного братства: в Перми — 614111, г. Пермь, а.я 11161, Носкову В. В.

Наше издание можно приобрести: в Москве в отделе распространения «Русского вестника», ул. Черниговский пер. д 19; в книжной лавке журнала «Москва», ул. Арбат, д. 20; в музее Маяковского; в магазине, «Русский хозяин», Новоясеневский пр-т.д.1; в магазине «Ad Marginum», 1-й Новокузнецкий пер., д. 7/7; в магазине исторической книги, Старосадский пер., д. 9, а также разумеется; у «Бланка»; в Санкт-Петербурге: 4-ая Рождественнская ул. д. 23, вход через подворотню дома 25, тел.: (812) 468-23-25

E-mail:bratstvo1@mailru.com http://www.bratstvo.nationalism.org

тираж 888

